

Патрисия дель Рока

Трех

Любовь и ненависть, гремучая смесь
брутальной эротики, боли и наслаждения...

Патрисия дель Рока

Грех

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8147863

Грех / Патрисия дель Рока.: РИПОЛ классик; Москва; 2014

ISBN 978-5-386-07190-5

Аннотация

Обворожительный миллионер и заурядная журналистка... Какая страшная тайна навсегда связала их вместе и сделала заложниками испепеляющей и невероятной страсти, противоречащей здравому смыслу? Любовь и ненависть, гремучая смесь брутальной эротики, боли и наслаждения, и смертельно опасная игра с непредсказуемым финалом. Окунитесь в водоворот страстей и грехов, расплата за которые слишком высока...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	37
Глава 4	50
Глава 5	59
Глава 6	81
Глава 7	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Патрисия дель Рока

Грех

Глава 1

Сексуальный маньяк е

внешностью кинозвезды

«Сучка! Тварь!» – слышится голос, похожий на шипение гигантской змеи. Он раздается издалека, словно из другого мира.

Страх накатил удушливой волной, словно лицо закрыли подушкой.

Женщина заметалась на широкой кровати, но проснуться не смогла. Сон не выпускал ее из своих черных безжалостных лап.

Во сне все повторялось. Ей четырнадцать лет. Она снова взбирается на забор заброшенного дома. Рите жутко интересно, какие призраки здесь живут. Чем-то этот дом притягивает ее.

Острый гвоздь снова вонзается в ляжку, и тонкий ручеек крови стекает вниз, по длинной, тонкой, чуть загорелой ноге.

Она закусывает губу от боли, но ее взгляд по-прежнему покорен, почти загипнотизирован домом.

Старым и немного страшным.

Но это даже возбуждало.

Она перелезла через забор – как когда-то – и очутилась в заброшенном саду.

Девочка подошла к дому и осторожно заглянула в разбитое окно, представлявшее собой кусочек стекла и перекосившуюся раму.

Она попыталась рассмотреть помещение, отчего-то до безумия притягивающее ее. Инстинкт еще не оперившейся репортерши.

Неожиданно чьи-то холодные руки обхватили ее сзади. Одна сжала рот, вторая стиснула талию.

И не вырваться. Слишком силен тот, кто ее держит.

– Отпусти! – мычит она, пытаясь ударить локтями или, как учили в книжках по самообороне, каблуком по голени. Правда, каблуков нет – вьетнамки. Да и те начинают соскальзывать с ног, пока она пытается разыграть супер-героиню боевика. Смешно! Пистолет, конечно, есть – когда-то отец подарил, заметив вскользь, что она – слишком красива, чтобы ходить без оружия. Матери они об этом ничего не сказали. Только в выходные, когда она иногда уезжала к дальним родственникам, папа учил ее стрелять на дальнем участке сада. Но пистолет остался дома. Как раз сегодня она забыла взять его с собой.

Чужая рука освобождает ее рот, и она кричит. Но вокруг никого нет. Сама видела, пока сюда лезла. В радиусе пяти

километров – пустота. Ни одного человека, даже животных нет.

Только она... одна. И страшный КТО-ТО сзади. Напавший на нее.

Рука освобождается, чтобы... скользнуть на грудь, сжать.

Она впервые в жизни пожалела об отсутствии лифчика. Раньше ей нравилось демонстрировать почти женскую, идеальную фигурку всем. Показывать – да, но трогать она никому не позволяла.

Чужая ладонь до боли сжимает грудь, тискает ее. Вторая рука медленно скользит по спине вниз, переходит на тонкую талию, затем опускается еще ниже, по округлому бедру на... то самое интимное место.

– Нет, пожалуйста, нет! – она мотает головой так, что ее длинные золотисто-русые волосы с чуть красноватым оттенком разлетаются во все стороны, стекают по спине шелковым плащом.

– Раздвинь ножки, сучка! Или тебе нежить! Мерзкая тварь!

Мужской голос вызывает такой жуткий страх, что она невольно подчиняется.

Рука протискивается под слишком короткую юбку и забирается в нижнее белье. Длинные пальцы пытаются проникнуть внутрь.

– НЕЕТ! – крик звучит еще жалобней, еще отчаянней.

Она пытается сопротивляться, собирая все свои силы,

но...

Тело и руки. Они словно железные. Ее разворачивают и швыряют прямо на траву. Так внезапно, с такой силой ударяя головой, что перед глазами сверкают золотые точки. Юбка разорвана, кружевные трусики тоже откинута в сторону. Сильные пальцы раздирают ее топик.

– Хм, а ты красива! – звучит оценивающе, но немного небрежно и презрительно. – Ты пыталась залезть в МОИ дом! И за это я тебя накажу! Мне кажется, – голос звучит почти ласково, – что на самом деле ты – шлюха. А они обожают раздвигать ножки!

Она с трудом сфокусировала взгляд на мужчине, лежащем на ней, худощавый, но с развитыми мускулами, белой кожей и красивым, чувственным лицом. Особенно ее поразили синие глаза.

– Ты изнасилуешь меня? – шепчет она пересохшими от страха губами.

– Да, моя дорогая. Ты счастлива? Моя порочная девочка...

Он быстро расстегивает ширинку потертых джинсов и, закинув ее ноги себе на плечи, входит в нее, неотрывно глядя на ее лицо.

Она вдруг понимает, что ему нравятся боль и страдание, он наслаждается этим, смакует ее переживания. И становится страшно. Как никогда.

– М-м-м, так ты девственница... Это приятно.

Молодой мужчина наклоняется так, что его волосы щеко-чут ее обнаженное тело. Кусает за грудь, почти вгрызаясь в нежную плоть. – Как бы я хотел тебя съесть!

Она снова кричит, запрокидывая голову, ощущая силь-ную боль внутри. Там, где огромный член разрывал ее узкое отверстие.

– Пожалуйста! – шепчет она, впиваясь в него длинными пальцами, пытаясь оттолкнуть, сбросить с себя. Тщетно.

– Не надо было лезть туда, куда не стоило! Не будь такой любопытной, сучка!

Незнакомец сильно и резко движется. Его одежда царапа-ет нежную фарфоровую кожу.

Она кричит, кричит, стонет, умоляет, выгибается в его стальных объятиях. Видя только чистое наслаждение на его лице и исковерканные гримасой чувственные губы.

В последний момент он выходит из ее тела и выплескивает на плоский живот белый фонтанчик спермы.

– Не хочу, чтобы ты от меня залетела! Нечего всяким тва-рям от меня рожать! – поясняет он ей. Совсем молодой, ока-зывается, парень. Или он просто кажется таким молодым, потому что глаза... Они страшные. И слишком жестокие, они полны нечеловеческой мудрости и хитрости. Словно у змеи, наделенной интеллектом.

– Запомни меня, тварь! – он проводит ладонью по ее ли-цу, затем гладит по волосам. Она ощущает его сперму внизу, стекающую по животу, словно отвратительная белая гниль. –

Я был твоим первым мужчиной! А теперь переворачивайся! Я хочу попробовать твою упругую попку!

Она дрожит и съеживается, вдруг понимая – осознание приходит изнутри, древний инстинкт самосохранения, – что ему следует повиноваться. Хотя и безусловное повиновение – отнюдь не гарантия выживания.

Она послушно становится на четвереньки и почти сразу же ощущает в себе его вновь вставший член, который снова разрывает, причиняя сильную боль, теперь уже разрывая анус. Она тихо стонет, кусая себя за руку, чтобы не кричать.

Он хватает ее за грудь и больно сжимает в такт своим сильным толчкам. Он мучает ее еще несколько часов так, что она близка к глубокому обмороку.

Мужчина кажется каким-то полукентавром с невероятной силой. Синеглазый брюнет не знает усталости. В какой-то миг, когда его лицо снова слишком близко, она вдруг понимает, что в другой обстановке... Да, она бы с ним флиртовала. И даже подралась бы с другими девчонками. Ради такой красоты, такого невероятного совершенства!

Но интуиция подсказывает, что он может любить только так. Насилюя, жестоко, до боли и крови, до синяков и царапин. Наслаждаясь криками, мольбами и слезами жертвы. Только так – и никак иначе!

Закончив свое грязное дело, он отошел, насмешливо рассматривая поверженное ниц тело, почти превращенное в грязную тряпку.

Рите часто снится этот взгляд.

– И что мне с тобой теперь делать? Может, убить? У меня в кармане нож. Ношу на всякий случай, знаешь ли. Но, пожалуй, я оставлю тебе жизнь. Мне нравится думать, что ты до конца своих дней будешь видеть меня в своих кошмарных снах!

Мужчина хмыкает и уходит, медленно, вразвалочку, словно после обычной прогулки.

«Газовый баллончик! У меня где-то он был!» – бьется в голове настойчивая мысль, которая пересиливает боль и стыд. И почему она оставила сумку возле забора?

Мозг радостно ухватывается за цель, лишь бы не вспоминать, не переживать заново весь этот кошмар. Она ползет к своей сумочке и начинает лихорадочно в ней рыться.

Она слышит шаги – ОН возвращается! Наверное, все-таки решил, что безопаснее – убить. Нет, потому что ему НРАВИТСЯ убивать. Особенно, когда перед ним – беззащитная жертва.

Она рыдает, вытряхивая все содержимое сумочки на траву. Наконец, в дрожащих руках оказывается баллончик. Так сложно вспомнить, как он работает, повернуть его в нужную сторону, положить палец на специальный выступ-кнопочку.

И девушке удастся обезвредить противника, и, пока он, ругаясь, протирает глаза, побежать изо всех сил, теряя вьетнамки, задыхаясь от сильного бега, почти теряя сознание.

И вот уже она – совершенно голая и грязная, в крови,

грязи и сперме – посреди гостиной. Мама устроила званый ужин, пригласив к столу самых почетных гостей, старых друзей дома. К своему ужасу, словно сквозь пелену тумана, Рита Свои видит, что за столом, кроме отца и матери, сидит подруга матери, уже немолодая Мишель Браун и... Антуан де Вилл, уже немолодой, с седеющими длинными волосами, мужчина, который уже много лет был другом-покровителем их семьи. Она всегда немного робела в его присутствии: как же, директор частной школы для «избранных», куда берут лишь детей очень состоятельных англичан.

У всех шок. Из опрокинутых бокалов плавно вытекает вино... как темно-красная кровь. Ее мать – стройная шатенка – страшно бледнеет и близка к обмороку. У отца появляется совершенно страдальческое выражение, глаза наполняются ужасом, недоумением и болью. Мишель вытаращила глаза, застыв с поднятой кверху вилкой, на которой нанизан кусок мяса.

Антуан сориентировался первым. Резво вскочил с места и кинулся к шторе, сорвал ее с окна и бросился к Рите, обернув вокруг нее тяжелую атласную ткань. Ее трясет от новых рыданий, унижения и стыда.

В какой-то момент приходит в голову мысль, что лучше б ее убил тот страшный незнакомец.

– Тише, девочка, тише! – мужчина осторожно гладит ее по волосам. И ей почему-то не противно, хотя ее снова касается мужчина. Она принимает к нему всем телом, дрожа словно

от озноба.

Мужчина не отстраняется, хотя ему, наверное, очень неловко, так как ее грудь выпирает из ткани, рвется наружу, вжимается в его худую грудную клетку.

Она снова плачет, уткнувшись лицом в его плечо.

– Мишель, ее нужно вымыть. А потом съезди к мадам Жастине – моему личному врачу. Думаю, в больницу обращаться не стоит, не так ли, Ролан? – обращается он к ее отцу.

– О, Боже, что случилось? Что сделали с моей доченькой?! – рыдает ее мать-красавица, бывшая ученица де Вилла.

Рита еще сильнее вжимается в теплое, такое уютное тело уже немолодого человека. Рита почему-то чувствует себя в безопасности. Ей тепло и спокойно, словно в коконе из теплых одеял.

– Не кричи, Мэри! – глухим, сорванным голосом командует отец. – Не усугубляй ситуацию. Но я хочу знать, КТО это сделал!!! А все из-за твоего нездорового любопытства, Рита! Вечно ты лезешь во всякие опасные места!

– Перестань говорить глупости, Ролан! – голос Антуана звучит неожиданно сурово и непреклонно. – Не надо внушать ей чувство вины! Ей и так изрядно досталось, – в его голосе звучит жалость и боль. Он крепче прижимает ее к себе, тихонечко поглаживая по волосам и спине. – Все прошло, детка, все уже прошло!

... Следующие несколько часов стали адом. Мишель с мадам Жастиной кудахтают над ней, как наседки над раненым

цыпленком. Ее бережно отмывают в душе, затем смазывают какими-то мазями, заставляют выпить какую-то гадость. Ей становится лучше, но только телесно. И совсем плохо – душевно.

Глава 2

Аристократы и журналистка – секс или интервью?

Сон. Это был еще один кошмар. Прошлое никак не желало ее отпускать из своей паутины. Рита Свои, довольно известная репортерша, очаровательный корреспондент довольно гламурного журнала «Женские штучки», встала с кровати и, шатаясь, отправилась на кухню. Отточенными движениями, отрепетированными годами – не одного лишнего жеста, – приготовила себе успокаивающий чай. Села на удобный стул и уставилась в окно, превращенное ночью в зеркало. Мягкий свет светящегося шара, прикрепленного на потолке, подчеркивал тонкие черты красивого лица и длинные ноги. Ночная рубашка мягко струилась вдоль стройного тела.

Женщина обхватила изящными, тонкими пальцами с длинными ногтями, выкрашенными в алый цвет, чашку тонкого фарфора и немного отпила, пытаясь отогнать ночные кошмары. Она поправила несколько пышных прядей, спускающихся на лицо.

Пытаясь забыть, сосредоточиться на том, что она имела. На своей славе, пусть и скандальной, красивой внешности – ей всего двадцать четыре года, самый расцвет, уютном особ-

няке на окраине Лондона, значительном счете в банке.

Но... слишком многое надо было забыть. И то, чего она добилась, не могло перекрыть всех ужасов, которые она пережила.

Воспоминания снова накатили. Как волны, разрушающие города. Она не могла бороться с призраками прошлого.

И женщина смаковала их вместе с глотками чуть терпковатого, горького чая.

... В больничном крыле частной школы «Дауэртс» тихо, ведь сейчас каникулы.

«И никто никогда не узнает о моем позоре!» – пытается хоть как-то утешить себя девушка. Ее раздражали оханья и аханья мадам Жастины и Мишель Браун. Женщины вели себя так, словно ее жизнь окончена. Будто она уже никогда не сможет стать прежней.

По ее просьбе никто не сообщил в полицию о случившемся. Она не хотела, чтобы кто-нибудь смаковал ее боль. К тому же... они все равно бы не смогли ей помочь. Ей не хотелось проходить через унижения допросов, а, тем более, суда. Что-бы ее фотография появилась в газете?! И оборвала ее карьеру навсегда? Она всегда мечтала стать известной, скандальной журналисткой, как ее мама, Мэри Вэллоу, в свое время работающая на телеканале «Мэджик Фэрроу». Довольно давно, еще до ее рождения и даже зачатия, Рита это знала, мама была очень известным скандальным репортером. И ее очень даже ценили на телеканале.

До сих пор в гостиной хранились многочисленные награды и дипломы, а также вырезки из пожелтевших газет в рамочках.

Рита знала, что ее мама гордилась прошлым успехом. Но никогда не рассказывала, отчего вдруг однажды забросила такую отличную карьеру – и стала обычной домохозяйкой, ни разу больше не написав ни строчки, и отклоняя все предложения, которые приходили и до сих пор от других телеканалов, так как уже немолодая женщина была по-прежнему красива. И, как считала сама Рита, все также талантлива. Однако, несмотря на то, что мать забросила свою карьеру, она очень хотела, чтобы ее дочь продолжила семейную традицию – и тоже стала журналисткой.

Известной и скандальной, конечно же.

Но, когда Рита попыталась поступить на факультет политической журналистики, мать неожиданно отговорила ее и приказным тоном посоветовала подать документы на обычную, газетную журналистику.

«Я хочу, чтобы ты работала в каком-нибудь женском журнальчике. Сейчас это престижно, а также... безопасно. Я не хочу, чтобы ты пострадала, моя девочка! Журналистов по-прежнему убивают во всем мире. И в каждой из стран есть доска памяти, на которой написаны их имена и названия изданий, на которые они работали. Я вовсе не хочу, чтобы ты стала смертницей, дорогая! Поверь мне, жизнь дороже сенсаций! Лучше уж занимайся звездами и гламуром».

«Я не могу позволить этому изнасилованию превратить меня в жалкое ничтожество, в посмешище!» – твердила она тогда, сжимая одеяло, глядя на потолок, где расходились трещины.

Лежа на узкой больничной койке, она попыталась забыть весь этот кошмар, но в ее сердце навсегда поселилась боль. В глубине души девушка надеялась, что кто-то прикончит этого ублюдка.

Отомстит и за нее.

Но она ничего о нем не слышала. Да и кто бы стал его ловить, если она не подала на него в полицию? Не написала заявление, не дала показания? Не позволила соскрести с себя пробы его спермы. А, значит, дала ему огромную фору и позволила убежать, оставшись безнаказанным.

Тогда она пыталась проанализировать свое поведение. Что это, страх? Неужели она, та, которая собиралась стать скандальной журналисткой желтой прессы, испугалась настолько, что побоялась пойти в полицию?

Да, и страх тоже. Он выглядел настоящим психопатом, несмотря на молодую и красивую внешность. Что-то в нем было настолько глубоко фанатичное и демоническое, что Рита не хотела даже помыслить о том, чтобы когда-нибудь с ним столкнуться, встретиться взглядом.

Пусть даже через пуленепробиваемую стену в комнате опознания полицейского участка.

Нет, нет и еще раз – нет!

Каждый нерв содрогался от ужаса.

К тому же, она знала, что про ее изнасилование напишут все газеты.

Как же, такая «вкусная» тема. Юная красота, девственница, жестко изнасилованная, едва неубитая. К тому же, начинающим маньяком с внешностью кинозвезды.

К тому же жертва – дочь известной в прошлом, скандальной журналистки. Тоже явно с темным прошлым, учитывая настойчивое замалчивание матерью объяснения того, почему она ушла с телеканала, и бросила все, включая свою популярность. Потеря известности и статуса. А также огромной зарплаты.

Замуж за довольно состоятельного английского бизнесмена Мэри Вэллоу вышла только через три года после того, как осталась без работы.

Рита это точно знала, так как однажды подслушала разговор родителей. Отец снова интересовался, отчего его жена в свое время ушла с перспективной работы.

Мать же отмачивалась, сухо сообщив, что не хочет ворошить прошлое.

И зачем, если работа оказалась настолько ужасной, мать тянет в эту сферу ее?

Тогда, лежа без сна на узкой койке, ощущая тупую боль во всем теле, несмотря на уколы обезболивания и проведенную операцию – в интимных местах пришлось даже зашивать, – Рита впервые осознала, насколько мало она знает собствен-

ную мать.

«Что ж, в каждой семье есть свои тайны. Надеюсь, она хоть никого не убила...» – подумалось ей тогда.

Кривая улыбка рассекла высохшие губы. Даже радоваться тогда ей было больно.

Когда она окончательно выздоровела и даже немного успокоилась благодаря антидепрессантам, в палату к ней пришел... сам Антуан де Вилл. Мужчина с длинными седыми волосами, с неправильными, но симпатичными чертами, сухопарый, что подчеркивалось возрастом (ему было уже шестьдесят лет), был непривычно смущен, а его голубые глаза блестели сочувствием.

Он приветливо и несколько смущенно улыбнулся:

– Рита, твои родители попросили, чтобы ты пока пожила у меня дома. Ты не против?

Она снова вспомнила ясный взгляд директора и, по совестительству, владельца частной школы: казалось, что из его глаз исходили солнечные лучи, освещающие все вокруг.

Девушка слабо улыбнулась и кивнула:

– Да, я буду рада... если не причиню вам неудобств.

– Что ты, никаких неудобств! В моем особняке три служанки. Им и так часто нечем заняться, так как я почти все свое время провожу в «Дауэртсе». Ты пока собирайся, твой отец уже отослал мне твои вещи, которые пригодятся в моем доме. Только, извини, но я не смогу уделять тебе много времени. Ты сама все понимаешь...

– Я понимаю. Вы очень заняты, – девушка вызывающе уставилась на мужчину. – Не думаю, что это меня будет особенно беспокоить.

– Я зайду к тебе через час, будь готова. Мой шофер уже ждет нас. Хотя, я знаю, что ты любишь мотоциклы, – он лукаво улыбнулся. – Знаешь, когда-то я и сам ими увлекался. Ветер, скорость – лучшее средство, для того, чтобы забыть-ся.

Она невольно представила себе солидного профессора на мотоцикле, в кожаном «прикиде», и чуть не рассмеялась, но вовремя прикусила губу.

– А вы уверены, что не свалились бы с него, профессор? Мягкая ответная улыбка:

– Я очень старался. Как видишь, цел и невредим.

Всю дорогу ее смешил образ уже седеющего мужчины на мотоцикле. Это было забавно. Особенно вкупе с его всегда серьезным видом и сдержанностью. Правда, в этой личности чувствовалась власть, а не незаметность. Власть серого кардинала.

На душе стало легко. А может, всему причиной ярко-голубое небо и по-летнему радостное солнце?

Особняк Антуана де Вилла казался совершенно незаметным, хотя имел четыре этажа, так он зарос вьющимися растениями, мхом и плесенью. Темно-серый камень стен даже на фоне голубого неба, подсвеченного солнцем, выглядел, как унылые стены гробниц. Ее охватила тоска, неожиданно сме-

нившая восторженное настроение.

Они опустились возле крыльца. Антуан рассеяно пошарил в своих безразмерных карманах и выудил изогнутый ключ. Помахав им с торжеством, он отпер двери.

Три немолодых, но резвых служанки выбежали их встречать, долго и нудно приветствовали, а потом позвали кушать.

Рите очень понравилась ее комната – светлая, с изящной, старинной мебелью.

Она прошлась по всему помещению, потрогала ладошкой деревянную мебель, немного пыльные обои, шершавые gobelены, хрустальные вазы с искусственными розами – почему-то белыми, фарфоровые статуэтки. Все хранило странное тепло, будто законсервированное, застоявшееся в веках прикосновение чужих нежных, теплых, ласковых ладоней.

Ночью Антуан де Вилл проснулся от ощущения касания женского тела. Резко открыв глаза и моментально проснувшись, он, несказанно удивившись, обнаружил рядом с собой в постели... обнаженную Риту.

Соблазнительное тело вжималось в его худощавую плоть, и ночная рубашка совсем не помогала бороться с искушением.

Слабый свет ночника подсвечивал ее удивительные глаза, которые меняли свой цвет в зависимости от переполнявших ее эмоций. Обычно глаза были бирюзовыми, но иногда становились темно-синими, когда ей было страшно или больно, а иногда – изумрудными, когда ее переполняли поло-

жительные эмоции. Пышные волосы подчеркивали тонкое, идеальное, почти кукольное личико. Она казалась неземным созданием. Директор снова вспомнил, что ее бабушка была первой красавицей среди аристократок. А одна дальняя родственница – сводила мужчин с ума одним взглядом и до самой смерти обладала множеством восторженных поклонников.

Поначалу он пришел к ошибочному выводу, что девушка страдает лунатизмом и не осознает своих действий.

– Антуан, – томно прошептала она, прижимаясь еще сильнее.

– Девочка... уходи, – тихо ответил он, ощущая противную дрожь. Он впервые за много лет снова ощутил себя... мужчиной. Живым. О, эти сказочные глаза, в которых так легко было утонуть, как в ядовитом омуте. Мужчина ощутил ее боль.

– Нет, – Рита прикусила губу, протянула тонкую руку и погладила его по седым волосам. – Я не хочу уходить. И я не уйду. Пожалуйста, – в ее голосе было столько мольбы и печали. – Не прогоняй меня! Мне так плохо!

Ее тело начала бить дрожь.

– Люби меня! Пожалуйста!

– Но... тебе всего четырнадцать! А я – уже почти старик!

Мягкий смешок прирожденной соблазнительницы. Лунный свет серебрил ее роскошные волосы. В глазах вспыхнул огонь, которому не мог противиться ни один мужчина.

«О Бог мой, я должен сопротивляться, предотвратить это!»

Но... белые пальцы скользят по его телу... вниз. Чары юности. Он оказался неподготовлен – она застала его врасплох.

Словно удар молнии прямо в сердце, он мгновенно и слишком чувственно ощутил сразу ВСЕ: высокая грудь, прижавшаяся к его груди, теплое, ароматное дыхание, тонкие, длинные ноги, обхватившие его тело, стройную, гибкую талию. Эти грешные глаза.

– Давай же! – шепчет соблазнительница. – Я хочу! Хочу тебя!

Серебристое сияние луны окутывает их обоих.

* * *

Рита слабо улыбается. Антуан снова не остался у нее ночевать. И словно трещина появляется в ее спокойствии, она не может уснуть без него. Потому что страх душит ее. И ночные кошмары оборачиваются жуткими воспоминаниями.

Женщина взглянула на золотистые часы, похожие на макет луны, – всего три часа ночи. А ей не спится.

Рита откинула голову, помассировала виски. Завтра – отвратительнейший день в ее жизни. И снова она ничего ЕМУ не расскажет. Антуану необязательно знать, какой тварью она бывает. Хотя... иногда ей кажется, что он читает ВСЕ ее

мысли. Но никогда не упрекает. И от этого становится так больно!

Ей надо выспаться. Завтра нужно быть во всеоружии. Покорить этих гребаных аристократов де Ноблэ!

Она резко вскочила и кинулась к шкафчику, где хранилось снотворное. Взяла таблетку из бутылочки, запила ее водой и отправилась в кровать.

Рита Свои застыла перед зеркалом. Ее широко распахнутые, пустые глаза, казалось, ничего не видели. Бледно-розовый деловой костюм, легкий слой макияжа, изящные золотые часики с крошечными бриллиантами, бриллианты в ушах, золотое кольцо с изумрудом.

Все ее естество противилось визиту к де Ноблэ. Интуиция просто кричала об опасности. Но... начальник послал именно ее взять интервью у семьи состоятельных аристократов, сохранивших древнее, огромное поместье с большим участком земли. И она не могла отказаться. К тому же, это интервью не было сложным – все в стиле «женского журнальчика». «Какие фасоны платьев предпочитает леди де Ноблэ? Когда будет следующий бал в особняке?» Ну и так далее.

И все-таки она побаивалась. Странные слухи ходили об этой семейке в узких журналистских кругах. Хотя написать об этом никто не осмеливался – так как ни одному журналу или газете не хотелось судиться с миллионерами.

Накинув легкий плащ, женщина стиснула сумочку и отправилась к выходу, где ее ждал розовый лимузин, заказан-

ный редакцией, чтобы отправиться к поместью де Ноблэ, где ее уже ждали.

Возле красивого озера и ухоженного парка счастливая семейная пара Леопольд и Элеонора де Ноблэ смотрелись, как красочная картина с изысканным фоном. Вокруг них бегал десятилетний мальчик с тонкими чертами лица, конечно же, натуральный блондин, как и оба родителя. Он срывал цветы и швырял их в воду, стараясь попасть в лебедей.

– Рита, мы так рады вас видеть, – чопорно улыбнулась красавица в белом платье, обвешанная золотом и бриллиантами, сверкающими под лучами солнца так, что глазам становилось больно.

Леопольд поднес руку Риты к губам, уставившись прямо в глаза:

– Рита Свои, лучшая репортерша нашего любимого журнала, какая честь!

Впрочем, его голос звучал язвительно и холодно. А глаза... Ей сразу же захотелось убежать.

Сыночек остановился и поглядел на нее так, словно прикидывал, как поудобнее схватить и утопить в озере.

– Сучка! – крикнул он, тыкая в нее пальцем.

– Простите его, Ритуля, вы понимаете... наш сынок просто много читает, и случайно прочел статьи про вас из враждебных вашему журналу газет, – улыбнулась Элеонора. – Вы же не обижаетесь на ребенка?

Ее прозрачный взгляд прожег молодую женщину на-

СКВОЗЬ.

– Конечно же, нет, – мило улыбнулась Рита. – У вас очень красивый сын.

Оба супруга немедленно просияли.

«Но держите этого малолетнего выроodka от меня подальше!» – про себя добавила она, жалея, что не может сказать это вслух.

– Тогда прошу вас, – женщина по-свойски взяла ее под руку, и они двинулись по посыпанной гравием дорожке вдоль клумб с яркими, изысканными цветами.

Рита поднесла бокал к губам, чувствуя себя приговоренной. Все ее чувства вопят, что в вино что-то подмешено!

– Дорогая? – Леопольд наливает жене из той же бутылки. У Риты немного отлегло от сердца – ну не стал бы он травить свою жену! Значит, яд исключается!

И что у нее за странные мысли? Не следовало снова на ночь смотреть фильмы ужасов.

Вкус вина показался ей немного странным, но она мужественно пила, стараясь еще при этом не кривиться, и даже улыбалась.

– Сегодня нам позвонили из вашего журнала, – продолжал вести непринужденную беседу де Ноблэ, наклоняясь к Рите. Она почти ощущала его дыхание, видела каждую черточку идеального хищного лица, блеск страшных серебристых глаз. Нет, сами по себе глаза были очень красивые, но взгляд... Жестокость, надменность, властность и

вспыльчивость. И все это подернуто изморозью. Словно ледяные окошки сумасшедшего дома. – Нашей семье предлагают выбрать постоянного репортера для освещения различных светских мероприятий, которые мы курируем. И вообще, «Женские штучки» всегда ставит статьи про нашу семью на первую страницу. Так что... возможно, мы захотим выбрать вас.

Его взгляд полоснул по ее лицу, как бритвой:

– Что вы думаете по этому поводу, Рита?

Сердце стукнуло и упало вниз.

«Это ж такой шанс! И я наконец-то смогу достигнуть высшей точки в моей карьере!»

– Я была бы... очень рада, – искренне ответила женщина.

– Для вас ведь это важно, Рита? – он еще ближе наклонился к ней. Неожидающее ощущение пронзило сознание – чувство полета. Кровь словно превращалась в фейерверки, в бурлящее шампанское, которым выстрелили в воздух.

– Да, – шепнула она в ответ, ощутив, что губы перестали ее слушаться. Все вокруг словно стало иным. Оно завораживало, сияло, гипнотизировало, дарило ощущение счастья и раскованности. Изящные очертания мебели, горшки с цветами, несколько статуй.

«Чем они меня опоили? Зачем?!» – последняя связная мысль умерла с легким писком.

Леопольд схватил ее за руку и помог встать из-за стола.

– Элеонора, куда? – повернувшись к жене, улыбавшейся с

выражением экстаза на нежном лице, уточнил он.

– В мою спальню, – ответила белокурая женщина.

Рита с трудом осознавала реальность. Ей казалось, что она не идет, а мягко плывет по воздуху. И все вокруг – совершенно.

Спальня Элеоноры де Ноблэ была одновременно нежной, женственной и немного аскетической. Ничего лишнего, но то, что есть, идеально и безукоризненно. В изысканном дизайне преобладает цвет слоновой кости и золота.

– Ритуля, тут все свои, думаю, тебе можно снять костюм, – вкрадчиво обратился к ней Леопольд.

Она машинально повиновалась, расстегнув пару пуговиц пиджака. Аристократ, стоявший сзади, помог расстегнуть остальные, и медленно повесил его на спинку стула.

– О, вот это фигурка! – произнес он, обходя вокруг высокую, стройную женщину. – Неплохо, очень даже неплохо!

Она стояла и смотрела, как они рассматривают ее. Как какую-то вещь. Нет, как породистую вороную кобылку, на которой оба собираются проехаться.

Оба.

Проехаться.

Страх липкой волной сжал сердце.

Но возбуждающее средство (или какой-то наркотик), подлитое в вино, снова заставило сознание вспыхнуть множеством золотых искр – словно ветки, горящие в огне, пнули ногой.

– Думаю, что вы можете снять с себя... все, – шелковым голосом произнес мужчина. Он взял свою трость, с которой любил щеголять (хотя по ее мнению трости устарели еще два века назад) стоявшую возле стены, и провел ею – очень чувственно – по ее ноге вверх, затем набалдашником, углубляя, надавливая, усиливая касание. Словно хотел изнасиловать ее этой штукой. Затем поднял выше, задирая короткую юбку.

– Ах, какие красивые трусики! – произнес он цинично. Но в его сузившихся глазах уже проявилась страсть. Словно отражение пламени костра.

– Элеонора, как тебе? – Леопольд обернулся к жене, которая стояла, тяжело дыша, с покрасневшими губами и покрасневшими щеками. Под действием того же наркотика. Ее высокая грудь вздымалась. – Простенько... но мне нравится.

Трость проникла под лифчик. И разорванная деталь женского туалета оказалась на полу.

– Замечательно, – со вкусом произнес мужчина, поглаживая головой змеи ее грудь. – Совсем как у девочки. Тебе нравится? – с нескрываемым интересом спросил блондин, поднимая руку к своим длинным волосам и распуская хвост. Длинные платиновые пряди растеклись по сильным плечам.

– Нет, да... – прошептала женщина, полузакрыв глаза. Потому что желание пронизывало насквозь, увлажняя шелк нижнего белья.

Леопольд швырнул трость в сторону, на пол, схватил Риту и опустил на стол. Быстро содрал всю оставшуюся одежду с

них обоих, расстегнул штаны, схватил ее за обе ноги и потянул на себя. Устроив ее так, чтобы длинные ноги обнимали его талию. Затем запрокинул ее ноги себе на плечи.

– Иди сюда, Элеонора, – мягко шепнул он.

Та покорно кивнула и приблизилась.

– Поласкай ее, приготовь для меня!

Леди наклонилась над распростертой на беломраморном столе женщине. Нежно поцеловала, лаская обнаженное тело золотыми волосами, которые освободила из прически. Длинные пальцы с безукоризненным маникюром обхватили грудь, потеревали соски. Нежные губы сосали уста, язычок проник внутрь и стал ласкать язык несчастной, одурманенной жертвы.

Рита ответила – она не могла не ответить. Наркотик вспенил кровь. К тому же, женщина боялась, что это не только наркотик, но и желание!

Тем временем Леопольд раздвинул ее ноги и проник внутрь двумя пальцами, поглаживая другой рукой ее интимное место, надавливая на чувствительный бугорок. Ритмично, умело.

Губы Элеоноры спустились вниз, лаская и облизывая ее соски. Пальцы ласкали ее плечи, шею, грудь, спускались на тонкую талию.

Она была нежна и очень умела.

Леопольд вошел в Риту одним мощным толчком.

Элеонора поймала ее стон своим алым ротиком, массируя

и сжимая ладонями ее грудь.

Мужчина грубо трахал ее, проникая до самого конца, словно желая разорвать на части.

Он глухо, сквозь зубы, стонал, продолжая вбиваться в нее.

Его чувственные, хищные губы приоткрылись: он стонал и ругался, обзывая ее последними словами. Странно, но в этой ситуации отнюдь не джентльменский лексикон вызывал у нее грубое, животное возбуждение.

Она ощущала в себе его громадный член.

«Кажется, его орган даже толще его знаменитой трости!»
– промелькнула в голове шальная мысль.

Ласки его жены становились все более чувственными, но немного грубоватыми. Она почти кусала ее нежную кожу, покусывала соски, грудь, шею, плечи.

Затем Леопольд резко вышел из нее, перевернул и поставил на четвереньки. Рита похолодела, сразу сообразив, что он хочет с ней сделать.

Нагнувшись, мужчина начал ласкать языком анус. От шока она чуть не забыла, как дышать. Затем он отодвинулся и вошел в нее резким движением. Женщина застонала от боли, перед глазами засверкали золотые искры. Элеонора тем временем ласкала ее грудь, целовала спину, успокаивающе гладила по волосам, перебирая густые золотисто-рыжие пряди. На какое-то время де Ноблэ остановился, а потом продолжил «таранить» ее, громко постанывая и сжимая ее бока и изящные, округлые ягодицы.

Кончая, Леопольд вошел в нее до предела, чуть не разорвав. Тяжело дыша, он вышел из женщины.

Элеонора перевернула Риту на спину и наклонилась над ее интимным местом, лаская язычком и губами. Женщина вставила ей во влагалище несколько пальцев и начала ритмично двигать ими, задевая чувствительную точку.

Рита застонала и кончила, чуть не потеряв сознание от наслаждения.

Почти как сквозь сон она ощущала, как Леопольд сгружает ее в ванную, как тонкие, изящные ручки Элеонора моют ее, лаская, скользя по груди, животу, опускаясь ниже, снова доставляя наслаждение, доводя до оргазма.

Вскоре Элеонора и Леопольд полностью разделились и тоже залезли в ванную. Аристократ уселся на дно ванной, вытянув длинные сильные ноги, развел ее ножки и посадил на себя, насадив на вновь вставший член, не знающий усталости и жалости, заставляя двигаться.

«Интересно, а ОН какой наркотик принял?! Виагру?»

Рита уже ощущала изнеможение, словно умирала. Ласки красавицы Элеоноры, которая прижималась к ней своим нежным, красивым телом, грубые проникновения, и поцелуи-укусы аристократа с пошлейшим выражением надменного лица, – все это доводило до точки кипения.

Ей понравилось чувствовать себя грязной шлюхой.

Вода струилась по тонкому лицу женщины, увлажняя и делая тяжелыми и темными длинные волосы.

... – Надеюсь, вам у нас понравилось, – на прощание светским тоном произнесла Элеонора, мило улыбаясь. – Мы будем рады сотрудничать с вами. Думаю, мы напишем в «Женские штучки», что хотим именно вас, да, дорогой?

Леопольд кивает.

Рита Свои испытывала странное ощущение, будто все произошедшее с ней – просто страшный сон. Изящная хозяйка провожает ее к выходу, а хозяин молча улыбается, глядя отсутствующим взором. Просто красочная иллюстрация к учебнику по этикету. И только влажные волосы и боль в интимных местах напоминают о том, что с ней сделали. Как ее использовали.

Странное ощущение нереальности заставляет ее ответно улыбаться, хотя глаза – совершенно пусты и безумны.

Она садится в громадный лимузин и называет водителю свой адрес. В редакцию ей сегодня не хочется, а статью можно написать и дома.

Женщина очень долго моется в душе, но все равно ощущает себя грязной. Затем облачается в халат, закутав волосы в полотенце. Она задумчиво пьет кофе в постели. Ей не хочется думать про произошедшее, но воспоминания запутывают в паутине, как полудохлую муху.

«И все-таки я многого достигла сегодня», – Рита пытается сосредоточиться на выгоде. На деньгах. На повышении, которое она, несомненно, получит.

От этих мыслей на душе стало еще противнее. Ее буквально

но трясло от омерзения, стыда и шока. И все же она не могла забыть красоту и страстность двух белокурых аристократов. И от этого действительно хотелось быть волком на луну. Потому что она начала ненавидеть и презирать саму себя.

– Добрый вечер, – Антуан вошел к ней в спальню. – Как прошла твоя беседа с де Ноблэ? Я слышал, что они – очень много о себе мнят. Впрочем, они хотят отдать на обучение в мою школу своего сына, так что, наверное, не такие уж они плохие, – уже старый, но хорошо сохранившийся мужчина ей озорно подмигивает.

Мужчина присел на край кровати. Его глаза буквально впивались в ее лицо, словно пытаясь проникнуть в душу. На этот раз слишком многое было написано на ее лице: боль, стыд, страсть, страдание. Детская обида на судьбу и шок. Глаза казались пустыми и почти стеклянными.

– Рита, что-то случилось? – он пододвинулся поближе к лежащей ничком женщине и погладил ее руку. – Я же вижу, что ты не в себе. Они... обидели тебя?! Унизили?

Она тяжело вздохнула:

– Знаешь, я чувствую себя очень плохой. Я всегда удивлялась, как ты можешь меня терпеть. Такую стерву как я!

– Перестань, в каждом живом существе есть что-то хорошее. А ты так вообще шедевр! – усмехнулся мужчина, продолжая гладить тонкую, нежную руку. – На самом деле, в глубине души, ты очень хорошая.

– Быть плохой – моя работа, да? – хмыкнула в ответ она,

искривив губы в язвительной усмешке. – Хорошо, я тебе все расскажу.

Повисло долгое молчание.

– Такого я не ожидал, – прошептал мужчина, застыв, сгорбившись. Словно внезапно сломленный, как поваленное бурей дерево.

– Ты не ожидал, что я – развратная шлюха?! – с нотками агрессии и боли выкрикнула она. Свои поставила чашку на прикроватную тумбочку, села на кровати, сложив руки на груди и уставившись ему в глаза. – Да, меня изнасиловали. Да, мне понравилось! Но... я себя ненавижу и презираю за это! Мне противно! И все это перемешалось... Мне так больно. – Она всхлипнула. – Теперь ты действительно будешь презирать меня! И ненавидеть.

Антуан притянул тонкое тело к себе, обнял хрупкую, как фарфоровая статуэтка, женщину. Прижал, поглаживая по голове, стройной спине.

– Нет, никогда. Я люблю тебя! И буду любить любой. Я не буду врать – я ревную и мне больно. Но больно больше за тебя, чем за себя. Бедная, бедная моя девочка! Рита, – он немного отстранил ее от себя, серьезно посмотрев через стекла очков. – Я не собираюсь на тебя давить, но я бы очень хотел... чтобы ты бросила свою работу. Я серьезно. Я могу найти для тебя должность в нашей школе. Или в другом месте. У меня много друзей. Я не могу позволить, чтобы с тобой так поступали! У меня болит сердце за тебя, дорогая.

К тому же, – он тяжело вздохнул и попытался улыбнуться. Засунул руку в карман и вытащил небольшую изящную бархатную коробочку.

Рита затаила дыхание, забыв обо всем, осторожно касаясь подарка.

Коробочка открылась, нежный розовый свет внутренней атласной обивки озарил золотое кольцо с большим бриллиантом.

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой!

– Антуан, – голос женщины стал нежным и страстным. – Я тебя тоже очень люблю. Но я не могу. Ни бросить работу, ни выйти за тебя замуж. Я недостойна этого. Я не хочу, чтобы все издевались над тобой – моя репутация известна многим. Мой путь ведет в пропасть, и пусть я разобьюсь сама!

– Но кольцо... я хочу, чтобы ты его носила! – он буквально насильно надел ей украшение на указательный палец правой руки. – Я подожду. Я всегда буду рядом с тобой.

Рита улыбнулась и нежно поцеловала мужчину, привлекая к себе.

Глава 3

Игрушка для аристократических оргий

– Завтра начнется новый учебный год, – пробормотал Антуан, когда она всунула ему в руки чашку горячего шоколада. Рита любила готовить его. И, по словам любимого, шоколад у нее получался просто фантастический. Впрочем, даже если б она ему подавала яд, он бы и его хвалил.

– Это я помню, – хмыкнула женщина, растягиваясь рядом с ним на кровати. В шелковом синем халате она выглядела обворожительно. Золотисто-рыжие волосы красивыми, пышными волнами струились вдоль нежного, правильного личика. Сейчас взгляд ее бирюзовых глаз не был злобным, жестоким и пронзительным, как на работе. Работу она на дом не брала. – И что ты хочешь, чтобы я сделала по этому поводу? Торт испекла? Заказывай – я сегодня добрая.

– Нет, просто... Понимаешь, этот год будет самым лучшим для моего колледжа! – тихо произнес мужчина, сверкая глазами. – Невероятно особенным! Потому что в этом году в нашу школу поступает сам ГАРРИ ДЖОНСОН! Сын известной кинозвезды Голливуда. Впрочем, его отец, Адам Джонсон, снимается и в Англии. Он миллиардер!

– О, какая великая честь, – она скептически приподняла

бровь. – Не думала, что ты гонишься за Звездами, как приходится это делать мне. На самом деле все они очень противные. Даже более мерзкие, чем я, – женщина тихо рассмеялась. – Я, конечно, имею в виду свой рабочий образ.

Мужчина кивнул, серьезно уставившись на нее:

– Это очень большая честь! Теперь наш колледж станет еще известней. Хотя, конечно, переизбыток внимания не всегда идет на пользу. Помню, как нас однажды посетила принцесса Диана... Просто пресса попытается найти против нас компромат.

Ладно, это не проблема. В конце концов, у меня есть связи, – и он поцеловал ее в лоб.

– Хм, теперь-то я точно жажду его увидеть. Только... сам понимаешь... боюсь, мое начальство захочет статью. И статью скептическую, а возможно, даже злую, – Рита виновато глянула на него, прижавшись к его боку. – А язычок у меня остренький, – в доказательство она приоткрыла вишневый ротик и продемонстрировала язык.

– Если хочешь, приходи в колледж, – улыбнулся де Вилл, поглаживая ее по волосам и плечам.

– Ну да! – она хмыкнула. – Преподаватели будут просто счастливы меня видеть! Но я приду, – быстро добавила она. – И не надейся, что пропущу такое зрелище!

Рита Свой стояла в стороне в гордом одиночестве. На людях они с Антуаном решили разыгрывать поверхностные отношения. Точнее, это ОНА так решила, а он, повздыхав,

согласился. Актный зал, как обычно, казался ей мрачным и навевал тоску. Полная отстраненность от других, словно провели невидимую черту. Она – никто для них. Досадная помеха. Соринка в глазах.

Невольно ее взгляд отыскивал Джонсона. По привычке ее тянуло лицезреть знаменитость.

Наконец, она отыскала его взглядом.

Мальчик. Худой, темноволосый. Полное отсутствие прически на голове, словно он никогда даже не знал слова «расческа». Исхудавший, словно детдомовец. Опрятная, дорогая одежда. Единственное, что казалось необычным – громадные зеленые глаза. Как у дикой кошки. Злобной и неуправляемой.

«Неприятный мальчик!» – решила женщина, переводя взгляд на маленького де Ноблэ. Виктор скорчил хитренькую рожицу, высунул язык и незаметно для остальных продемонстрировал ей неприличный жест.

Она отвернулась... чтобы наткнуться на взгляд Гарри Джонсона. Громадные глазищи, смотрящие на нее с таким восторженным изумлением... Словно он увидел нечто прекрасное.

Женщина тяжело вздохнула. Почему-то от этого наивно-го, восторженного, такого детского взгляда на душе стало особенно тоскливо.

Она обернулась к Антуану, тот подбадривающе подмигнул ей. Женщина еле заметно улыбнулась, поправив костюм.

Ведь ей нужно написать очередную гадость про школу, и про... Антуана. Ее любимый понимал, что все это – только работа. Но... легко ли было смириться ей самой? Простить себя? Правда, она стала кем-то вроде шпиона, докладывая де Виллу все, что она узнавала из разных источников. Чем-чем, а уж «источниками» «Женские штучки» действительно могли похвастаться. И все-таки это не уравнивало ее предательства. По крайней мере, в ее глазах.

Взгляд Гарри снова притягивал, как магнит. Скоро, очень скоро, этот мальчик возненавидит ее. А пока... Он смотрел с восторгом и восхищением, видя перед собой красивую женщину с волосами оттенка осеннего заката.

* * *

Очередной рождественский бал. Все ученики, да и учителя безумно счастливы. Потому что очередной год окончен, подведена невидимая черта итогов. Оценки, взросление учеников, да и сам новогодний праздник, когда весь мир словно окутан невидимым волшебством загаданных желаний.

Рита Свои не хотела признаваться даже себе, до какой степени она была рада оказаться среди приглашенных. Негромкий смех, радостные улыбки, огромная елка, украшенная яркими фонариками и затейливыми игрушками. И, главное, она знала, что у Антуана – все хорошо. Закрытая школа процветает, никаких финансовых проблем, все просто велико-

лепно — идет, как по маслу.

Она верила любовнику, а де Вилл часто делился с ней своими секретами и планами, и ни одна фраза из их ночных разговоров не попала в печать. Рита совершенно серьезно умоляла его взять с нее страшную клятву молчания, чтобы, если она проговорится, с ней случилось бы нечто ужасное. Он долго смеялся, но все же сделал это. И ей стало легче, хоть это и была всего лишь игра.

И все же женщина ощущала какую-то пустоту. И кошмары про изнасилование, преследующие ее с того ужасного дня, не прекратились. Ей снилось, что насильник возвращается с острым ножом (иногда с пистолетом), чтобы зверски убить ее.

Женщина старалась не думать о плохом. О своем первом мужчине, который словно выжег в ее душе огненное клеймо, о черноволосом психе с завораживающей внешностью, придающей ему сходство с демоном.

Получалось плохо, словно она постоянно носила невидимый плащ дурных мыслей. Тень, от которой невозможно убежать.

Ей нравилось эпатировать публику, создавать сенсации одним своим появлением. Поэтому она явилась на рождественский бал в... прозрачном платье. И красивом нижнем белье.

Рита с удовлетворением заметила, как у многих отвисала челюсть, когда их взгляды останавливались на ней.

– Дорогая моя, ну ты совсем уже распоясалась! – хмыкнул Антуан, проходя мимо и пожирая ее глазами.

– Но это же бал-маскарад, дорогой, – шепнула она ему.

– Хм, и кого же ты изображаешь? Оригинал какой-нибудь старинной картины? Помню, был один художник... Любил рисовать рыжих и голых. Правда, они были страшными и толстыми.

Они специально отошли подальше, чтобы их беседу никто не услышал.

Когда поток комплиментов иссяк, и он отошел, ей стало скучно. И даже возмущенное, покрасневшее лицо старой женщины, преподавателя литературы, которая, казалась, готова была вышвырнуть ее в ближайшее окно, Риту не развлекло.

Она заметила, что еще один мужчина странно на нее поглядывает. Сделав вид, что рассматривает золотистое содержимое бокала, женщина рассматривала его в ответ, ощущая дрожь во всем теле. Отчего-то он напомнил ей того насильника. Высокий худощавый брюнет с резким, орлиным профилем, одет в темный деловой костюм, несмотря на то, что даже самые старые учителя оделись в маскарадные костюмы. Уступка празднику – платиновая булавка с крупной жемчужиной, небрежно воткнутая в середину галстука и крупное кольцо-печатка, тоже из платины, с несколькими бриллиантами. Рита вспомнила его имя – Аврелий Ламборджи. В его внешности ее поражала дьявольская смесь чего-то итальян-

ского, жгуче-мрачного, как черный перец.

Аврелий еще пару раз глянул демонстративно-презрительно, а затем удалился в глубину зала.

«Небось, подрочить!» – язвительно подумала Рита, допивая шампанское. Женщина схватила первый же попавшийся бокал вина со стола и отпила, почти не ощущая вкуса.

«Возможно, это последние спокойные деньки, ведь если мой начальник вернется из отпуска в плохом настроении, то мне точно будет не до вечеринок!»

Начальник был еще одной больной темой для Риты. Вроде бы с одной стороны он поддерживал ее имидж деловой стервы, жестокой журналистки-профессионалки, не брезгующей ничем для того, чтобы достать первоклассный материал для первой полосы, а с другой... Ему очень хотелось сломать ее, увидеть на коленях – и, желательно, перед этим расстегнуть ширинку.

Ее же это не устраивало. Уже четыре года репортерша должна была постоянно доказывать Майклу Камеру, что она – не продажная тварь. По крайней мере, не в этом плане. Их противостояние напрягало, вызывая регулярные нервные и срывы и постоянное напряжение на рабочем месте. Поэтому последние годы она предпочитала работать на дому. А так как в ее материалах нуждались, ей это прощалось. До поры до времени, конечно.

Она слишком хорошо знала мужчин, чтобы не понимать, как же Майкл мечтает ей отомстить – пусть даже во вред

себе и журналу! Лишь бы наказать сучку за то, что она ему не дала.

Депрессия накинута на нее, как голодный зверь, поэтому она едва обратила внимание на голодный взгляд Виктора де Ноблэ, который, танцуя с самыми красивыми девочками, старался разворачивать их так, чтобы оказаться лицом к ней. В его взгляде сквозила жадность и похоть.

* * *

Этот ужин в семье де Ноблэ проходил, как всегда, безупречно. С подтекстом сексуального напряжения. Она старалась как можно реже у них бывать, но... иногда приходилось. Потому что де Ноблэ были по-прежнему нужны ей... и «Женским штучкам». Почти единственная возможность оставаться на работе вопреки ненависти собственного начальника.

Свои мечтала, чтобы когда-нибудь «Женские шутки» достался ей, стал ее личным гламурным журналом. Иногда женщине казалось, что она слишком сильно любит свою работу, слишком мало уделяет времени Антуану. А друзей у нее вообще не было. Нормальные, даже дружеские отношения с коллегами дали ощутимую трещину после того, как ее возненавидел Майкл – никто не хотел потерять свою работу в престижном журнале.

А отношения с другими мужчинами были зачеркнуты ее

четырнадцатилетием и пыткой, которую она перенесла. Ей никто не был нужен, кроме Антуана, конечно. С ним всегда было легко. А другие... они бы ее не поняли. Или осыпали бы насмешками, издевками, упрекая в холодности, называя фригидной. Или жалели бы. А ей не хотелось получить печальную известность женщины с отклонениями. Все-таки она ведь была публичным человеком. И Рита постепенно научилась держать дистанцию между собой и остальными. Пожалуй, ее даже начали ненавидеть. Риту это устраивало. Лучше ненависть, чем сочувствующие взгляды! Тогда бы она на всю жизнь получила репутацию жертвы, и с ней бы перестали считаться.

По той же причине женщина отдалилась и от родителей. Она очень редко навещала их. Даже Антуан несколько раз мягко журил ее за редкие родственные визиты. И Рита научилась притворяться. Мило беседовать с отцом и матерью во время недолгих «визитов вежливости». Улыбалась и рассказывала про свою работу ничего не стоящие пустячки.

Де Вилл, скорее всего, так и не понял, почему она стала ТАКОЙ. Но не пытался ее изменить, принимая и любя такой, какой она СТАЛА. И она была ему благодарна за это. Поэтому, каждый раз участвуя в очередной оргии с семейством де Ноблэ, Рита ощущала себя... тварью. Низкой и подлой. Особенно потому, что ее тело испытывало наслаждение и бурные оргазмы под умелыми руками и губами аристократической четы. Рита не могла лгать самой себе, что не испытыва-

ет безумного, сводящего с ума наслаждения. Что ей не нравится ощущать Леопольда в себе, почти насилующего, вбивающегося в ее плоть. Что она не влюблена в невыносимо сладостную пытку – изысканные и порочные ласки Элеоноры. Это была почти наркотическая зависимость.

– Дорогая, – рука де Ноблэ заскользила вверх по ее ноге к интимному месту. Теперь она всегда снимала верхнюю одежду, как только оставалась с ними наедине, а перед визитами под нее надевала короткую юбку и полупрозрачную кофточку. Серые глаза привычно впились в нее, как два острых кинжала в мягкое масло. – У меня к тебе просьба. Сделай для нас... маленькое одолжение. Тебе будет несложно. – Пальцы аристократа нашли дырочку ее влагалища и вонзились внутрь. Ему нравилось причинять ей боль, граничащую с наслаждением.

Женщина охнула и откинула голову.

– Что... что я должна сделать?

– Лишить невинности нашего сына, Виктора.

– Что?! – она попыталась отодвинуться, но его вторая рука крепко ухватила ее за руку.

– Или ты хочешь, чтобы я тебя держал?!!

– Прекрасно, – женщина вырвала свою изящную ладонь из его руки. – Значит, ты уже все решил, да, Леопольд? Ты спросил меня просто так... Ведь это был даже не вопрос, а утверждение, не так ли?

– Естественно, моя дорогая, – хмыкнул красивый мужчи-

на. Его глаза блеснули. Рита неожиданно ощутила окружающую его темную ауру.

Почему-то вспомнилась уверенность Антуана в том, что Леопольд занимается темными делишками. Возможно, даже вложил свои деньги в тяжелые наркотики или в проституцию. Или даже содержит собственных наемных убийц. Ее снова передернула предательская дрожь.

«Только бы он ничего не заметил!» – промелькнуло в голове. Все-таки она была счастлива, что ее ПОКА не собираются втравливать в эти гнусные мафиозные делишки. Ей использовали только для постели, а она получала эксклюзивные интервью и репортажи – читать про эту загадочно-красивую, состоятельную, аристократическую семью никому не надоедало.

Женщина сглотнула.

– Тогда... зачем тебе мое согласие? – она пожала плечами.

– Для проформы, милая, – хищно улыбнулся красивый аристократ. – Тем более, я уверен, что тебе это понравится. Мой сын – очень красивый мальчик. А ты у нас – порочная женщина. И я обожаю тебя за это, – он продолжал ласкать ее пальцами, медленно, но неуклонно доводя до оргазма.

Одновременно он целовал и слегка покусывал возбужденные розовые соски ее белоснежной груди.

В этом платье она чувствовала себя просто ужасно. Мало того, что ее заставили нацепить прозрачное одеяние, так еще и запретили надевать под него нижнее белье.

Вокруг шеи ей повязали розовый бантик, так что она сама себе напоминала какого-нибудь пуделя. Женщину, естественно, накрасили – постаралась Элеонора. А волосы накрутили, что сделало ее еще больше похожей на дурную домашнюю собачку, которых любили носить с собой гламурные блондинки.

«Какой-то идиотский у меня вид. Жуткая помесь Барби, болонки, пуделя и манекена», – с раздражением думала Рита, поднимаясь по лестнице. Леопольд с Элеонорой стояли внизу, наблюдая за ней, точнее, рассматривая во всех ракурсах.

Впервые в жизни Свои пожалела, что у нее идеально красивое тело и нежное лицо.

«Если бы я выглядела, как де Вилл, меня б никто не попытался завалить! А уж раздвинуть мне ноги точно никому не пришлось бы в голову!»

Виктор – уже подросший четырнадцатилетний мальчик – подждал ее возле своей кровати, нетерпеливо кусая бледно-розовые губки. Она критически осмотрела его: еще слишком худенький, но, естественно, красивый, как мама с папой – порода обязывает. Как и каждый урожденный де Ноблэ. И такой же порочный.

От его издевательски-торжествующей ухмылки ей стало не по себе. А от злобного взгляда – еще хуже.

Да, Леопольд тоже был опасен, но он хотя бы мог себя контролировать. Свою тьму. На первом месте у него всегда стояла выгода: зачем причинять вред красивой игрушке, ес-

ли его еще можно насладиться?

А этот ребенок... Он мог и сломать «куклу», прекрасно зная, что ему тут же «купят» новую. Достанут. Чтобы и эта игрушка была сломана безжалостными пальцами и выброшена на свалку.

Усилием воли женщина заставила себя не дрожать.

«В крайнем случае, я могу попытаться сбежать – и плюнуть на свою ужасную работу», – пыталась убедить себя Рита. Но воображение подкинуло красочную картинку, и она ясно представила, как Виктор насилует ее с восторженным выражением своего прелестного личика. Она неожиданно вспомнила статьи из их газеты про детей-садистов, обожающих мучить животных. Маленьких, беспомощных котят. Или щенков.

А ведь она была для него никем – подстилкой, которая ложится под всю богатую семью исключительно ради выгоды.

Она сглотнула еще раз, с трудом выдерживая взгляд серых глаз. Стараясь не опускать глаз, не показывать ему своего страха.

– Иди сюда! – приказал Виктор капризным тоном избалованного ребенка.

Рита подошла к нему, радуясь, что на этих чертовых каблуках неизмеримо возвышается над аристократом и смотрит на него сверху вниз. Постаралась, чтобы ее лицо ничего не выражало... как у любимого папочки мальчика. Невозмутимая маска игрока в покер, шулера.

Глава 4

Изнасилование, о котором я всегда мечтала

Жадный взгляд де Ноблэ скользил по ее телу, и Рита ощутила холод, словно ее касались ледяные пальцы. Сам по себе взгляд был жутко непристойным.

В ней снова что-то надломилось. Внутренняя боль грозила затопить сознание, разрушить показную холодность и самообладание. Страх, что этот «малыш» попытается сделать с ней... нечто совершенно ужасное.

– У тебя классная грудь! – Виктор протянул обе руки и сжал нежные полушария. – Как у девчонок на обложках порно журналов!

– Хм, наследник древнего аристократического рода читает непристойную литературу? – хмыкнула Свои, очень жалея, что не посмеет опубликовать подобное откровение, хотя очень хотелось.

Виктор покраснел, на миг отвел взгляд, затем снова принялся разглядывать ее, с той же похотью и нахальством:

– Да, ну и что? А ты этим занимаешься. И я хочу ЭТОГО с тобой. Раздевайся!

Хрупкий мальчик, только-только начавший превращаться в юношу, убрал руки, до боли стискивающие грудь, и ото-

шел, начав стягивать с себя верхнюю одежду, под которой ничего не было.

Она тоже начала медленно снимать прозрачное платье.

– Ложись, – снова приказал Виктор, тыкая пальцем на расстеленную кровать.

Женщина кивнула и легла. Виктор взгромоздился на нее, тяжело дыша, упираясь в обнаженное тело вставшим членом.

– Я читал, как это делается, но... Сделай это сама! – приказал он, смотря на Риту с некоторой долей беспомощности и даже опаски.

Снова кивок – последние слова Виктора, полные нерешительности и затаенного страха «облажаться», сняли ее страх и напряжение. Она потянулась к нему и поцеловала в розовые губы. Виктор застонал, снова начиная сжимать ее грудь.

«У меня останутся синяки! Прекрасно! И что скажет Антуан? Наверное, как всегда, промолчит. Но о многом подумает».

– Так не следует делать. Женская грудь очень нежная и чувствительная, – произнесла она, отстраняя его руки. Женщина взяла его ладони и положила себе на грудь. – Ласкай нежно, понятно? Осторожно, пожалуйста!

Виктор сморщил нос, но неохотно подчинился.

Рита поняла, что он вот-вот кончит.

Она оседлала его, осторожно обхватила член мальчика и направила его в себя, постепенно начиная насаживаться.

Чистое, незамутненное удовольствие, словно в жару погружаешься в прохладу лесного озера. Виктор двигал бедрами, пытаясь войти как можно глубже, громко постанывая.

Она начала двигаться, нависая над ним, опускаясь на его член.

Виктор продолжал мять ее грудь, в его глазах была страсть и растерянность, шок от необычных ощущений. Он быстро кончил, снова до боли стиснув ее ягодицы. Затем перевернул, оказавшись сверху, но не выходя из нее. Член Виктора быстро вставал, снова твердея.

– Теперь сверху буду я! – заявил он с видом победителя, собравшегося «пронзить» своего врага «мечом». – А мне это нравится! – глаза парня горели фанатизмом дорвавшегося до наркотика наркомана.

Виктор закинул длинные ноги женщины себе на плечи и начал грубо трахать ее, вбивая в кровать. Наклонялся, кусая ее губы, затем – нежную грудь. Почти до крови, до боли. Потом неожиданно ласково целовал. Чередовал грубые укусы с нежными поцелуями, поглаживал язычком появившиеся – и начавшие кровоточить – царапины.

Рита ненавидела саму себя за то, что испытывает удовольствие от секса, мало отличимого от изнасилования.

«Я снова предаю сама себя, снова ломаю то, что потом не склеить». Оргазм накатил неожиданно. Она кончила, извиваясь под Виктором, который овладевал ею, как маньяк-наильник – своей жертвой.

Она быстро вскочила, накидывая прозрачное платье, взяла свою сумочку, ранее брошенную возле постели, и торопливо оделась. Дрожащие руки промахиваются по пуговицам, не могут застегнуть молнию на юбке. Трусы, прилегая к влажному лону, тоже становятся неприятно мокрыми.

Глаза Виктора округлились – он даже приподнялся на кровати.

– Ты это куда? Я, кажется, тебя не отпускал! – его голос звучит удивленно, зло и повелительно. Так говорит избалованный ребенок, считающий, что мир создан только ради его удовольствия.

– Я не хочу, чтобы ты меня прогнал, как паршивую собаку, – вырывается с неожиданной искренностью.

Виктор смотрит заинтересовано, как на препарированную зверюшку, чуть склонив голову. Светлые волосы падают на его лоб, слегка прикрывая глаза.

Она на мгновение приостановилась, пытаясь понять, кто из двоих де Ноблэ к ней хуже относится. Да, для обоих мужчин репортерша была меньше, чем мусор под ногами. Просто красивое, удобное, всегда доступное тело. Разновидность служанки, появляющейся по щелчку и раздвигающей ноги в нужный момент. Принимающая любую позу, как женщины-жертвы из романов де Сада – и зачем она, на ночь глядя, читала эту отвратительную литературу?

– Ты же все равно утомился. И больше ничего не можешь... Ты бы в любом случае сказал, чтобы я убиралась, не

так ли? – она пожала плечами, продолжая невольно сравнивать отца и сына. Элеонора в ее мыслях представляется просто какой-то мизерной частью де Ноблэ старшего. Как пятая колонна этого богатого особняка. Или шестая дверь. Либо еще одна красивая кукла для убаживания Леопольда. Да, де Ноблэ-старший не оскорбляет ее... ну, почти. Разве что во время секса. Он холоден, одновременно развратен и равнодушен, как кирпич. А Виктор... ему нравится... играть. Как кошке с мышкой.

Его ладонь совершает молниеносное движение – и ее пышные волосы оказываются в плену его сильных пальцев.

«О, боги! Скоро хватка как у отца будет!»

Рита ощущает, как ее тянут, – и падает на кровать.

Ее глаза встречаются с прищуром серых глаз. На нее падают золотым дождем его волосы. Хищные черты еще нежного, почти детского личика. Губы презрительно кривятся: – Теперь ты будешь делать все, что я захочу, сучка! Можешь убираться, тварь, я тебе разрешаю!

Пальцы разжимаются, отпуская волосы на волю. По крайней мере, он не стал ее скальпировать. Достижение века!

Она пытается уйти, сохранив остатки достоинства. Но глаза почему-то на мокром месте, а во рту – привкус горечи. Она ощущает себя гадко использованной. И понимает, что пала. Снова. Оказалась почти в самом низу бездны. И почти потеряла себя, превратившись в полубесчувственную куклу, у которой из всех органов еще работает, и может чувствовать

только тот, что находится между ног.

Из всех сил пытаюсь удержать рвущиеся наружу рыдания, стыд и боль, Рита Свои спустилась вниз.

– Ну, как все прошло? – поинтересовался поджидавший ее Леопольд. Он сидел недалеко от камина, развалившись на кушетке. Блеклый свет свечей от двух канделябров, один из которых стоял на узком черном столе возле окна, а другой – на втором, тоже черном, в глубине комнаты, подсвечивали волосы и глаза, превращая извращенца в подобие ангела. Сходство с неземным существом ему придавали белые тонкие штаны и шелковая белая же рубашка.

– Нормально, – устало бросила женщина, пожав плечами. – Я, пожалуй, пойду.

– Что, мой сын был так сильно плох? – Леопольд вглядывался в ее лицо. – Он обидел тебя? – немного помолчав, добавил он.

– Да нет, все было хорошо, – она подняла голову, заглянув в его прозрачные глаза. Странное чувство охватило ее: словно их связывали почти дружеские чувства. Сообщники – вот кем они всегда были. И это связывало больше, чем просто сексуальные отношения.

– Хочешь домой?

– Да.

Де Ноблэ медленно кивает:

– Боюсь, моему сыну до меня далеко.

– О, да! Но в постели он просто зверь! – хмыкает она, а

губы сами собой растягиваются в кривой гримасе. – Поверь, Леопольд, скоро ты будешь им гордиться!

– Если б он только не был таким... чрезмерно чувствительным и нервным. Надо уметь держать себя в руках, – продолжал он рассуждать на темы воспитания детей.

– Ой, да ладно! Кто бы говорил. Ты сам приходишь в неистовство по любому поводу и без повода, – улыбнулась женщина. – Особенно, когда видишь Гарри Джонсона. Кстати, я его тоже ненавижу.

– А ты-то почему? – его испытывающий взгляд погрузил-ся в ее бирюзовые глаза. – Лично я, потому что этот ужасный мальчишка постоянно обходит моего сына! ВО ВСЕМ! Ну, кроме хороших манер, естественно, и красоты. Да и по экономике, но лишь потому, что Аврелий Ламборджи, учитель экономики, – наш друг и крестный Виктора. – Кулак аристократа впечатался в ближайший столик.

Рита подпрыгнула, несколько раз испуганно моргнув.

– Если б я мог... я бы избил его! – с ненавистью выдохнул мужчина, сощурившись.

– Кого, сына?

– Да нет, дура, Джонсона! Тоже мне, великая цаца! Все в этой чертовой школе ему кланяются, лишь потому, что его папочка кривляется на съемках очередного, как их называют, блокбастера. А мой сын всегда мечтал быть первым среди одноклассников. Кстати, благодарю за милые стейки! – мужчина мерзко захихикал. – Думаю, наш чудный

мальчик из-за твоих талантливых унижений и потрясающий язвительности уже готов из окна выброситься. По крайней мере, настроение ты ему испортила, надолго обеспечив депрессией. – Еще один смешок. – Ладно, иди, дорогая, в свою одинокую постель.

Рита отправилась в свой особняк, размышляя над тем, что произошло. Вспоминая, вспоминая...

* * *

– Привет, милая! – Антуан легко поцеловал ее руку. – Как прошел день?

Она медленно убрала ладонь:

– Это было ужасно, Антуан! Мне пришлось... – она начала плакать, затем забилась в истерике.

Де Вилл быстро вытащил из кармана заранее припрятанное успокоительное. Последнее время его запасы постоянно иссякали. Но мужчина никогда не забывал купить новую упаковку.

– Рита, дорогая, любимая, – он с трудом удерживал бьющееся в его руках тело, как какого-нибудь зверя, подстреленного охотниками и уже погибающего. – Что опять случилось? Может... тебе перестать работать для этого жуткого журнала? Пожалуйста, бросай это ужасное место! Что с тобой, радость моя?

С нежной заботой он гладил повлажневшие от пота воло-

сы.

– Почему ты позволяешь им себя мучить?

Вопрос, оставшийся без ответа. Возможно потому, что она сама боялась признаться, что на самом деле ей нравится, когда ее мучают.

Глава 5

Смерть любимого – дешевая сенсация

– Я не знаю, почему все так происходит, – она обреченно покачала головой, высвобождаясь из объятий его все еще сильных рук, несмотря на возраст. Впрочем, для нее он всегда был мужчиной, а не стариком. – Быть может, я сумасшедшая мазохистка, – красавица искривила губы в пародию на усмешку.

Поправила пышные волосы, начала раздеваться, швыряя вещи в шкаф.

Мужчина целомудренно отвернулся, хотя много раз видел ее голой. Но он чувствовал, что сейчас на интим она не настроена, и не хотел раздражать ее еще больше жадными взглядами. – Быть может, меня сломал тот парень, который изнасиловал меня возле заброшенного дома... В любом случае, так уж сложилось. И мне ни за что не выбраться из порочного круга. Еще одна кривая усмешка. – В любом случае, я уже добилась многого... и, по крайней мере, могу не считать себя пустышкой.

Женщина торопливо скрылась в ванной. Вернулась уже с влажными волосами, которые подчеркивали красоту ее лица, и в длинном халате. Ее взгляд стал более холодным и уже

не таким несчастным, как раньше.

– Спасибо, что переживаешь за меня, Антуан. Но я пока не хочу бросать свою работу.

Мужчина кивнул, чувствуя некоторое разочарование: ведь ее ответ подразумевал, что она также отказывается прекращать свои сексуальные «игры» с семейством де Ноблэ. И он не мог ничего с этим сделать – Антуан знал, что он уже старик, и, конечно же, не может сексуально удовлетворять свою прекрасную любовницу. Да и с самого начала в их отношениях было больше дружбы, чем сексуального влечения, ведь даже тогда он уже был слишком стар для нее. Но мужчина знал, что согласиться остаться с ней на любых условиях, лишь бы она от него не ушла. Этого бы он не пережил. Она была тем, кто еще держал его среди живых, возвращал радость молодости и свежесть первой любви.

Рита прижала пальцы к вискам и мученически глянула на него.

– Давай лучше поговорим о поднятии рейтинга популярности твоей замечательной школы.

– Насчет популярности – у нас ведь теперь учиться Гарри Джонсон! – торжественно произнес Антуан, сжимая ее в объятиях. – Его присутствие в стенах школы поднимает наш рейтинг на неизмеримую высоту!

Женщина недоверчиво хмыкнула.

– Да, я согласна, это очень даже неплохо. Понятия не имею, как тебе удалось его заполучить.

– Да я тоже не знаю, – улыбнулся мужчина. – Возможно, его знаменитый папаша настолько занят, что просто нашел нашу школу по телефонному справочнику? В любом случае, я с ним лично почти и не знаком. Я видел Адама лишь несколько раз, когда он навещал своего сына в школе. Правда, к нему всегда очень трудно пробиться через толпу его охранников, репортеров и прочих прихлебателей. Просто король и его свита!

– Согласна. Его папочка – противное и высокомерное создание. Хотя красив, как греческий бог. Интересная пометка Аполлона и лощеного идеального красавчика с обложки модного журнала для геев, – она хихикнула.

– Ну, судя по тому, что у Адама есть сын, вряд ли он гей, – засомневался де Вилл, усмехаясь. – Какая ж ты все-таки злая, моя Ритуля!

– Стараюсь, дорогой, стараюсь! Все-таки это моя работа. Быть стервой – моя профессия. И иногда это даже приятно, когда твоя работа совпадает с тайными желаниями. И все-таки на душе как-то паскудно, словно я стала под душ, а на меня полилось дерьмо с запахом лучших французских духов. Но дерьмо – это дерьмо, сам понимаешь, как бы оно ни пахло. – Рита снова начала дрожать, и де Вилл успокаивающе поглаживал ее изящные, хрупкие плечи, шепча на порозовевшее ушко милые глупости. – Все-таки ты неисправимый романтик, – шепнула она прямо в его суховатые тонкие губы. – Но за это я тебя и люблю!

– Я тебя тоже, Рита Свои.

– Ага, прямо такой, какая я есть? Злобной и циничной стервой? Берешь в нагрузку к шикарнейшей внешности мой нелегкий характер?

– Я люблю тебя... целиком и полностью. Ты – моя звезда, самый драгоценный бриллиант на свете... Моя пустыня и мой оазис.

* * *

Рита Свои почему-то ужасно нервничала перед этим интервью. Можно подумать, что она собиралась брать интервью у какого-то местного каннибала, который неумело, но активно подражает небезызвестному Ганнибалу Лектору. Хотя на самом деле это был обычный мальчик.

«Возможно, это потому, что меня поставили в жесткие рамки. И мой отвратительный начальничек потребовал, чтобы я делала то, что ОН хочет, писала лишь то, что мне скажет Гарри – эта юная звезда! Правда, знаменит он скорее благодаря своему отцу. Так сказать, подхватил эстафету. Все возвращается на круги своя?»

Рита вздрогнула, стараясь внушить себе, что это ощущение внезапного холода появилось из-за ранней весны. Когда зелени еще почти нет, почки вот-вот собираются превратиться в листья, но еще медлят, наслаждаясь покоем и защищенностью.

«Что ж, на сей раз приказ моего начальника полностью совпадает с моим желанием. Так что я ничего не потеряю», — решила она для себя, улыбаясь немногочисленным посетителям кафе, находящегося на территории школы, в котором она пила кофе, поджидая героя своего очередного опуса. Женщина уже давно положила на столик блокнот с ручкой и любимое «орудие труда», диктофон.

Почему-то в этот день ей хотелось быть... более объективной. Рита сама не знала, отчего вдруг ее настигло это неожиданное благодушие. Обычно ей нравилось смешивать очередную жертву с грязью.

Красавица подперла подбородок тонкой рукой, постукивая пальчиками другой руки, точнее, длинными кроваво-красными ногтями, по гладкой поверхности стола, и не могла оторвать взгляд от двери.

Однако репортерша все же на пару минут отвлеклась от созерцания двери — уж очень интересная пара сидела за одним из столиков, красивые и беззаботные, словно на свете не существовало Зла. Молодые и легкомысленные, и, главное, влюбленные. Она это увидела в их глазах — отражения друг друга.

Остальной мир для них не существовал, пока они держались за руки и смотрели друг другу в глаза, нежно улыбаясь и щебеча легкомысленные глупости.

Рита проглотила ком в горле и постаралась придать своему лицу еще более неприступное и ледяное выражение, чем

обычно. Однако сложнее всего оказалось убрать «вселенскую» тоску из глаз и превратить их в два бирюзовых камешка. Не к месту вспомнились родители. Точнее, тот период жизни, когда они начали отдаляться от нее. Или... она от них? Когда они впервые назвали ее жестокой, холодной. Особенно после первых публикаций ее ядовитых статей.

Вспомнилось интервью с коллегами из «Женских шуток», когда ее улыбающуюся фотографию с белозубым оскалом поместили на обложку. Тогда центральный разворот заняло то ужасное интервью. Ее премировали «Золотым пером», как лучшую журналистку года. Хотя, стоит заметить, что в конкурсе не принимал участия ни один серьезный журналист, пишущий про политику, только репортеры из различных женских изданий и желтой прессы.

– Рита Свои, говорят, что у вас нет сердца. Это правда?

– Конечно (стеклянный смех, словно звон бокалов). Еще в детстве я продала его за доллар.

Брр! Рита тряхнула головой, чтобы отогнать неприятные воспоминания, от которых начинало тошнить. Пышные пряди упали на лицо. Откинув их, она замерла, прищурившись.

В кафе как раз входил «Мистер Знаменитость» – Гарри Джонсон собственной сиятельной персоной.

Быстро отыскав ее глазами, парень направился к ней с выражением страдания и муки в изумрудных глазах и явным нежеланием находиться с ней в пределах одной Вселенной.

– Привет, Гарри, – произнесла она, открывая блокнот. –

Садись.

Он кивнул и сел напротив.

Она отметила, что он напряжен и скован. А в глазах за модными солнечными очками – одновременно вызывающее и затравленное выражение. Сняв очки, он нервно швырнул их на столик, едва не разбив.

– Давайте сразу к делу. У меня нет никакого желания с вами общаться, – почти выплюнул он с ненавистью. – Меня моя девушка ждет.

Изящно изогнутая бровь.

– Хм, полагаю, это мисс Лесли? Или Генриетта Браун? Либо кто-нибудь, о ком я не знаю? Какая-нибудь супер-модель? Или начинающая голливудская красавица, которая благодаря связи с такой знаменитостью, как ты, мечтает сделать собственную карьеру? Возможно, какая-нибудь дурочка, которая после секса обязательно попросит у тебя твои трусы, чтобы хранить их возле сердца? А те части тела, которых ты коснешься во время секса, она больше никогда не будет мыть?

Джонсон раздраженно тряхнул торчащими как попало волосами, машинально попытавшись их пригладить. Впрочем, это было также невозможно, как изменить профиль без пластической хирургии.

– Кажется, по предварительной договоренности с этим идиотским журналом, вы не должны лезть в мою личную жизнь! Я этого не потерплю.

– Знаешь, мне не нужно твое разрешение, чтобы хоро-

шо выполнять свою работу, – она пронзила его испытывающим взглядом. Хорошо, расскажи про учебу, про друзей, про свои увлечения – которые не касаются секса.

– О, вас так интересует тема секса? Синдром острого недотраха? – ухмыльнулся парень, разваливаясь на изящном стульчике. Она невольно отметила его идеальное телосложение – и когда из мальчишки успел вырасти такой сексапильный подросток? Тело развитое – он явно увлекается тренажерами и физкультурой, черты лица практически идеальные, очень красивые глаза, которые, как и его хорошее телосложение, достались ему от отца.

Рита поймала себя на том, что откровенно залюбовалась им.

«Мальчишка! Для меня он – просто малолетка».

Женщина замолчала, затем продолжила, стараясь собрать разбегающиеся мысли:

– Поделись с нашими читателями своими увлекательными приключениями в школе! Кто, например, пытался тебя втайне побить, с кем и за что ты соперничаешь. Насколько я знаю, тебе почти нет равных в школе, кроме Виктора де Ноблэ, конечно. Ну, Виктор происходит из древнейшей аристократической семьи, которых все меньше остается в Англии. И, хотя его родители не так богаты, как твой отец, но у них есть класс, а это дар, который может быть только врожденным. В какой-то миг ей показалось, что сейчас он ударит ее... По лицу. Или схватит за волосы и вышвырнет в окно.

Или скинет со стула на пол и начнет нещадно пинать ногами прямо в живот. Его глаза потемнели, а губы сжались, превратившись в тонкую бледную линию.

— Да как вы смеете! Я же предупреждал ваш отвратительный журнальчик, что не собираюсь говорить о личном! Вы и так вылили на меня кучу грязи, когда издевались надо мной, моим отцом, моей умершей матерью в своих жалких писульках! Вы бы радовались даже смерти собственных родителей... если бы вам заплатили за статью про их похороны! — его голос, возросший до крика, сорвался. — Я же просил вашего редактора, чтобы мне прислали на интервью кого-нибудь другого! Или те, кто варится в этом дерьме, слышат лишь то, что им выгодно?

Ей ни с того, ни с сего захотелось попросить прощения. Особенно про ту действительно гадкую статью о смерти его матери, которая покончила с собой в огромном особняке. Пока Адам Джонсон резвился на Багамах с очередной красоткой-моделью, а их практически интимные фотографии оказывались во всех развлекательных изданиях, его жена Люси страдала от одиночества и от ревности, которую искусно разжигали журналисты. Рита понимала, как ему было тяжело, тогда еще совсем маленькому, сначала пережить эту смерть, затем... простить отца (если он его простил, конечно), а потом еще и жить дальше. И переваривать всю ту грязь, что многие годы лились на него и на его отца. Большинство журналистов (не только Рита), смаковали странное

самоубийство, которое под определенным углом могло бы даже сойти за убийство или за попытку доведения до самоубийства. Смаковала и она, хотя и без особой радости. Смерть красивых женщин никогда не вызывала у нее особого восторга. Наверное, сказывалась редкая женская солидарность.

Журналистка тонула в этих зеленых глазах, которые наполнились слезами. Ей вдруг отчаянно захотелось обнять его, утешить. Но... на них все смотрели! Да и не позволил бы он ей к себе прикоснуться, а кроме того, не могла же она разрушить тщательно взлелеянную репутацию безжалостной стервы.

– Держите себя в руках, мистер Джонсон! – ненавидя сама себя, произнесла она чеканным сухим голосом. – Вы же, как-никак, будущая звезда! А теперь, если не возражаете, продолжим. Или вы решили сбежать? Может, вы боитесь меня? – ехидно добавила она.

Слезы в зеленых глазах высохли, словно первые капли росы на весенней листве. Он поднял подбородок, принимая ее вызов, хотя не мог ни понимать, что в словесной дуэли журналистке нет равных.

Она заметила, что Гарри уставился на нее с опаской и с любопытством одновременно.

– Наверное, ты хочешь сказать мне какую-то страшную гадость? – парень откинулся на стуле, чуть прищулив изумрудные глаза. – Давай же, не стесняйся – после множества

репортеров, которые каждый день рвут меня и отца на части, меня уже сложно напугать. Да и не скажу, чтобы я кого-то из вас боялся. Он снисходительно улыбнулся, беря себя в руки.

– Просто мне неприятно... как различные ничтожества, вроде нищих журналистов, гавкают на меня и отца, потому что они сами – никто. Конечно, проще оскорбить тех, кто чего-то добился, чем самому добиться успеха. Для этого же надо потрудиться! А ваша работа – это просто изливание желчи. Да и язык у репортеров, как говорится, без костей. И все-таки, я думаю, наше интервью пора закруглять.

– Почему?

– Устал от всяких сучек, – он ослепительно улыбнулся, развалившись на стуле. – А если серьезно – может быть, потому что слишком много знаю про ваши методы. В некотором роде я тоже профессионал. Я ведь стал известным с момента моего рождения. Что большинству журналистов, конечно же, не светит никогда. Ваш брат для меня – это духовный калека с множеством комплексов и проблем.

Рита фыркнула:

– Ты считаешь себя психологом, чтобы ставить кому-то диагнозы? А тебе не приходит в голову, что мы просто выполняем свою работу? Ведь все-таки профессия репортера вторая по важности... – она хмыкнула, – после проституции. И такая же древняя. И, несмотря на прошедшие века, до сих пор актуальная и модная.

– Вы все только пытаетесь приобщиться к талантливым

людям, Рита, — ледяной взгляд шокировал ее, как и бесконечная боль, отразившаяся в глазах. — Только смерть — лекарство от всех подонков этого мира. А лекарство от глупости, к сожалению, никогда не придумают.

— На всех подонков у тебя силенок не хватит, — она тяжело вздохнула и потерла виски. Кажется, ее должно было как-то поразить, шокировать или, даже обрадовать их непринужденное общение с нотками философии и психологизма, странного в устах столь юного существа. Ведь мальчику было только шестнадцать!

Как-то поразить.

Может быть, даже обрадовать...

Но за последние годы мир для нее утратил прежние краски. словно на женщину упала каменная плита-надгробие — и придавила, задушив на корню все чувства, все эмоции, все искры жизни. словно она была свечей, которую задул резкий порыв ветра. Так что даже их соперничество, обличенное в форму почти вежливого общения, было для нее чем-то серым и скучным. По крайней мере, она пыталась себя в этом убедить.

Рита опустила голову и вздрогнула, ощущая себя загнанной зверушкой, которая оказалась в тупике. А в нескольких ударах сердца от нее затаился охотник.

— Тебе ведь приходилось ощущать неотвратимость бесконечности? — тихо прошептал он, коснувшись ее ладони, распластавшейся на столе, как дохлая медуза.

– Да, – она подняла на него обезумевший взгляд. – Неужели ты постоянно это чувствуешь? Как ты еще не сошел с ума?!

– Вот поэтому многочисленные читатели различных изданий считают меня психом. Хотя они всех звезд считают сумасшедшими, не понимая, что оригинальность – это признак белой вороны. А белая ворона – это редкая птица, и почти такая же желанная, как и синяя птица счастья. Просто остальные черные вороны слишком завидуют невиданному оперению – и стараются извести тех, кто выше их. Для этого даже твоих остреньких, ехидных статей не надо. Они пытаются поставить себя на мое место и, естественно, делают соответствующие выводы, что на Олимпе места только для избранных, а не для ничтожеств с острыми язычками.

– Ладно, мне пора статью писать, – она резко вскочила и направилась к выходу.

– Счастливо! – Гарри небрежно поднял руку и помахал ей вслед.

* * *

Приехав к своей возлюбленной, Антуан де Вилл не нашел ее в спальне, хотя постель была разостлана, а лампа горела.

Он обнаружил женщину в кабинете. Сидя в одной комбинации за письменным столом темно-коричневого дерева, она уставилась немигающим взором змеи на экран ноутбука.

– Антуан? – она подняла голову, заслышав его легкие шаги, отрываясь от экрана.

Он с грустью заметил темные синяки под ясными глазами и какое-то неживое выражение прелестного личика. Волосы казались чересчур яркими на фоне поблекшего лица. Она потерла лоб.

– Ложись спать, уже поздно.

– А тебе еще много?

– Да нет, я редактировала. Уже все.

Она сохранила статью и отправила электронное письмо.

– Все! Я закончила с этим кошмаром, – она попыталась выдавить из себя улыбку. – Давай лучше спать.

– Ты поругалась с Гарри? – тихо поинтересовался мужчина, обнимая ее. Она уткнулась носом в его подбородок. – Твое идиотское начальство снова захотело крови несчастного мальчика?

– Да, что-то этом роде, – она отстранилась, нахмурившись. – Но я постаралась написать не такую гадость, как обычно. Все-таки он молодец. Даже будучи сыном голливудской знаменитости, он не сломался, хотя обычно детки богачей очень избалованы и просто скоты, – она невольно вспомнила Виктора, – а он неплохо держится! Я его даже зауважала. Знаешь, мы с ним впервые нормально поговорили, даже странно, – она пошла в спальню, потянув его за собой. – Я ведь уже пару раз брала у него интервью, после которого жутко его очернила, а ведь в первый раз он смотрел на меня

обожаящими глазами и был предельно откровенен. А я обманула его ожидания.

Во время второго интервью он меня едва не побил, а на третье вообще не явился.

И я думала, что теперь он меня возненавидел на веки вечные. Правда, наша нормальная беседа длилась всего пару минут.

– Гарри – хороший мальчик. Конечно, ему приходится очень тяжело – быть в центре внимания не всегда лестно и приятно. Да и порой опасно. Этому надо учиться с детства – скрывать свои эмоции. Гарри же – слишком искренен. Вот Виктор де Ноблэ – он должен был бы уметь себя сдерживать. Но, насколько я вижу, он еще больший истерик, чем Гарри.

– Ой, не напоминай мне про него! – Рита тяжело вздохнула. – Он просто садист. Его папочка – вот кто истинный аристократ! Хотя и сволочь редкостная.

Она хихикнула, когда почувствовала руки на своем теле. Бирюзовые глаза засветились. Свои игриво хлопнула его по руке.

– Мы еще до постели не дошли, а ты уже приставать начал! Что дальше-то будет! Мне и представить страшно!

* * *

– Все-таки мне кажется, что мы должны пожениться, – тихо произнес Антуан де Вилл, обнимая за талию свою медно-

волосую любовницу.

– Ты серьезно? – женщина накручивала на палец прядь длинных, пышных волос.

Последнее время, к ее счастью, де Ноблэ оставили ее в покое. Может, нашли кого-нибудь помоложе? В принципе, ее это устраивало. Ни с кем из них, кроме разве что Элеоноры, она общаться не хотела. Правда, иногда, когда неугомонные гормоны начинали бушевать, она желала того бурного секса, который превращался в безумие, в грозную стихию. Но эта буря ломала все в ее душе, и она понимала это.

– Последнее время твои статьи получаются все лучше и лучше. Видно, что ты стараешься быть более объективной, а не плюешься ядом в кого попало, как взбесившаяся змея. Теперь ты иногда даже замечаешь, что у знаменитостей есть и достоинства, а не только лишь недостатки. А некоторые даже жертвуют на благотворительность...

Они тихо рассмеялись.

– Я почему-то вспомнила ту свою статью о гибели матери Гарри Джонсона, – прошептала Рита, по-прежнему глядя в пустоту. – Тогда многие писали гадости об этой смерти. Все-таки уж слишком скандальной она была... Как и смерть принцессы Дианы. Ты понимаешь – сложно удержаться от такого лакомого кусочка. Но я вдруг поняла, что есть пределы, за которые я не хочу ступать. Одно дело – работа, а другое – полностью сгноить душу.

– Не думай, я понимаю, как тебе было сложно удержаться

от соблазна написать про Адама Джонсона и его молоденьких любовниц, — мужчина поглаживал ее по бедру. — Так что я тебя не осуждаю. В конце концов, журналистика, как и политика, — это весьма грязная работа. Любимая, почему ты такая изможденная? Может, тебе отпуск взять? Что тебя беспокоит?

Их взгляды встретились.

— Да ничего особенного, просто... я боюсь за свою душу, только не вздумай смеяться! — она приподнялась, пронзив его раздраженным взглядом. — К тому же, мне бы хотелось, чтобы ты мной гордился, а не терпел мои ужасные выходки. Пожалуй, мне пора подумать о своем поведении.

— Я безумно рад, что я так тебе нужен, — улыбнулся Антуан. — Может, тогда ты в конце концов выйдешь за меня замуж?

— Да! — неожиданно громко воскликнула Рита, кидаясь к нему на шею. — Сейчас это будет правильно. Это придаст мне силы верить в то, что я смогу измениться. Что все будет хорошо.

Но по ее глазам было видно, что она сама в это не верит, хотя и очень старается.

* * *

Она не могла поверить. Ее широко распахнутые бирюзовые глаза казались стеклянными. А она — сама себе — стату-

ей, поставленной на этом кладбище. Все стояли вокруг так, словно смерть Антуана де Вилла – само собой разумеющееся событие. Будто так и должно быть.

Рита Свои не замечала чужих слез, потому что не могла выплакать свои. Ей казалось, что ее сердце умерло, а душа – истлела.

Впервые в жизни она поняла, что ей не нужно ничего, кроме этого человека, но... он умер от банального сердечного приступа.

Ей самой хотелось умереть.

Самая большая ирония на свете: «Женские штучки» ожидал от нее пафосной статьи про похороны директора знаменитой закрытой школы, в которой училось аж две знаменитости: Гарри Джонсон и Виктор де Ноблэ. Желтоватый прикус гнили должны были добавить статье и их близкие отношения, о которых все-таки узнали. Журналисты умеют раскапывать информацию, особенно если это касается их конкурентов. И сразу после гибели Антуана в различных газетах и журналах появились псевдо-скорбные статьи, а в особо «желтых» – фотографии импозантного пожилого мужчины рядом с молодой красавицей-репортершей – их, оказывается, несколько раз тайно сняли в их любимом кафе, куда они иногда ходили. А то, что он ее целовал и нежно прижимал к себе, не позволяло выдать эту интимную встречу за обычное интервью. Появились слухи, что она расплачивается за интервью с некоторыми особенно «важными клиента-

ми» собственным красивым телом.

А ведь еще за день до этого страшного события, в реальность которого она до сих пор не хотела верить, они валялись на кровати и, громко хохоча, придумывали текст приглашений на свадьбу. Продумывали меню – Антуан серьезно подходил к разным развлекательным мелочам, поднаторев в праздничных вечеринках своей школы. Он казался ребенком, который предвкушает рождество или день рождения.

Что-то такое светлое было в его глазах.

Она вдруг тогда поверила, что все будет хорошо.

А теперь...

Надежда умерла – теперь очередь за ней.

Собственная жизнь вдруг показалась никчемной и ненужной. Пустой. Черно-белой, словно негатив.

Словно ее душе выкололи глаза – и остался лишь мрак.

А она стояла, совершенно позабыв, что надела в этот ужасный день, не видя никого и ничего, кроме гроба. Не замечая испытывающих, полных ненависти и презрения, взглядов остальной толпы «активных участников похорон». На похороны пришли журналисты, выпускники и ученики его школы, родители Риты, которые старались стать подальше от опозорившей их дочери, учителя. Но ни у кого из них не было в глазах столько боли. Хотя остальные, кто видел застывшее лицо репортерши, воспринимали ее «кривляния» за притворство. Некоторых удивляло, что она не взяла с собой фотографа – несколько особенно ушлых представителей

желтой прессы все-таки засняли парочку удачных ракурсов.

Гарри Джонсон неожиданно решил вернуться и побыть в одиночестве возле могилы де Вилла. Юноша очень уважал и ценил старого директора, который к тому же вел у них историю, делая свой предмет поучительным и интересным. Большинство учеников его просто боготворили, понимая, какой умный и светлый человек встретился им на их юном пути, когда появление подобных личностей оказывает положительное влияние на формирование детской психики, сотворяя первое понятие об идеалах.

«Классный был учитель! И всегда защищал меня от репортеров», – с этими тоскливыми, гложущими душу мыслями, юноша вернулся к могиле, где уже никого не было. Таинство смерти, и по совместительству балаган, уже закончилось.

Однако, подходя к надгробию, он неожиданно увидел хрупкую женскую фигурку, стоящую на коленях перед могилой. Станным образом среди мраморных статуй она казалась еще одной. Само олицетворение скорби.

Подкравшись поближе, юноша услышал рыдания. Темно-фиолетовый, неприлично яркий плащ и огненные волосы с коричнево-красным оттенком, обнажившаяся белая шея с золотой цепочкой. Он сразу узнал женщину – и кулаки сжались автоматически.

«И здесь эта сучка! Никуда мне от нее не деться».

– Как ты мог! Почему ты меня покинул, почему?! Как я

буду дальше жить! Моя жизнь бессмысленна! – причитала она, почти лежа на земле.

Гарри поискал глазами фотографа, который, естественно, обязательно должен был заснять эту «трагическую» сцену.

«Какая дешевая реклама! Неужели у «Женских штучек» уже закончились сенсации? Да ни один читатель, даже псих, не поверит, что эта сука может страдать и плакать по Антуану де Виллу! Это же просто... смешно! И гадко. Хотя, я читал, что они спали вместе. Ну да, она же на все пойдет ради своих гадких статей».

– Что ты здесь вытворяешь! – вне себя от бешенства закричал он, рывком поднимая ее за плечи. – Что это за дешевый цирк?! Да как ты посмела делать рекламу своей мерзкой газетенке на смерти де Вилла! У тебя что, не только совесть закончилась, но и мозги отказали?

Неожиданно она обмякла в его руках и сильно побледнела, закрыв глаза.

– О, как неожиданно! Как театрально! Изобразить обморок в объятиях звезды! – выкрикнул он, яростно тряся хрупкое тело и одновременно все же пытаясь найти взглядом притаившегося фотографа.

Но... никого не было.

А обморок казался до ужаса настоящим.

Матерясь про себя, он положил ее на землю, борясь с искушением просто швырнуть, подложив под голову ее же собственную сумочку. Гарри подождал – женщина не приходила

в себя. Он с удовольствием хлестнул ее по щеке – никакого эффекта.

Не зная точно, что помогает при обмороке, он на всякий случай решил сделать искусственное дыхание.

И впервые хорошенько рассмотрел ее... вблизи. Очень красивое, тонкое лицо, только чересчур бледное. Побелевшие губы красивого, изящного рисунка. Длинные коричнево-золотистые ресницы, тонкие светло-коричневые брови.

«Великолепная картина: прекрасная дама в обмороке, а над ней – верный рыцарь! Кошмар какой. Надеюсь, репортеры нас не сфотографируют».

Глава 6

Однажды назвав себя лисой...

– Это твой дом? – Гарри неловко переминался с ноги на ногу, пока Рита, скинув пальто, готовила им кофе на кухне. – А где куча слуг?

– Живут у родителей. Двое, – она слабо улыбнулась. – Мне и так проблем хватает. Тебе сколько ложек сахара?

– Две.

– Лимон, сливки?

– Лимон.

Они оба чувствовали себя неуютно, но разойтись было бы еще более неловко. К тому же Гарри ощутил, что странным образом успокаивается на этой большой, красивой кухне. Женщина в плотно облегающих штанах и свободной рубашке совсем не казалась той страшной, злобной стервой, к которой он привык. Впрочем, раньше он никогда не пробовал пить чай на кухне со скандальной журналисткой журнала «Женские штучки».

– Почему ты плакала, там, на кладбище? – вдруг напрямик спросил юноша, забирая из ее рук большую кружку.

Она прямо и твердо посмотрела ему в глаза:

– Потому что любила. Он хотел на мне жениться. Мы много лет были любовниками.

Джонсон чуть не упал со стула, широко распахнув глаза.

– Правда что ли? Нет, я, конечно, читал сплетни о вашей связи, но не думал, что у вас были длительные отношения. Это странно!

– Зачем мне врать? – с горечью и болью спросила она, садясь напротив, стискивая чашку. – Ради чего... вообще жить? Это у тебя есть великий смысл – твое предназначение. Стать известным актером, как отец. Настоящей знаменитостью. Чтобы твоя звезда появилась на Алее славы. Есть к чему стремиться, не так ли?

– Ты и про это знаешь?! – Гарри был шокирован и во второй раз чуть не свалился со стула. – Ты что, мысли читаешь?

– Это было несложно, – спокойно отозвалась она. – Ведь это же очевидно, – Рита пожала плечами. – Раз ты тоже начал актерскую карьеру, а не стал, допустим, продавцом обуви.

– Большинство детей голливудских знаменитостей... и вообще знаменитостей... идут по проторенным родительским тропкам только потому, что за это больше платят. И эти деньги легче заработать. На любой другой работе пришлось бы доказывать свой профессионализм, а тут – просто потрясти регалиями предков. Хотя, конечно, многие завидуют, и будут обвинять в том, что мы – бездарности. Но широкой публике на это наплевать! Можно подумать, великие эстеты!

Кривая усмешка появилась на его лице.

– Да, я тебя понимаю. Хотя свою карьеру я делаю как раз вопреки моим родителям. Моя мама сперва меня очень под-

держивала, а потом отдалилась. А потом мы с ними вообще перестали общаться. Они даже не подошли ко мне на похоронах, не утешили, хотя ЗНАЛИ, что я люблю... любила Антуана.

Челюсть Гарри отпала.

– И почему ты мне все это рассказываешь? – поинтересовался он, наконец справившись с шоком. – Ты же вроде как железобетонная.

– Потому что мне все равно. ОН покинул меня. Мне плохо. И мне безразлично, что ты обо мне думаешь! Я вовсе не железная леди, а обычный человек.

Ее голос звучал тускло, безжизненно, как старая запись на пленке.

– Я тоже очень плохо лажу с отцом, – отозвался Гарри, словно выполнял свою часть сделки – правда за правду. – Но я как-то привык. И ты привыкнешь. Своих родителей невозможно перевоспитать. Мой отец всегда отвечает, что яйцо курицу не учит. И всегда поступает по своему. По крайней мере, открытой конфронтации у нас нет. Обычное равнодушие. Ну, он хотя бы мне деньги давал, когда я еще не зарабатывал сам.

Она только фыркнула.

– Я не мазохистка, как ты! Неужели тебе не хочется нормальной семьи? Вырваться из порочного круга: работа-дом-работа?

– Иногда хочется, – признался Гарри, глядя в пустоту, со-

всем как Рита. – Просто... ну да, я очень боюсь. Многих вещей.

Я даже расстался со своей девушкой из-за моих страхов. Я не хотел открывать ей свою душу, а девушки отчего-то любят вывернуть тебя наизнанку. Наверное, чтобы потом удачнее манипулировать.

Взгляд женщины стал заинтересованным.

– Это она тебе так сказала? Или ты сам придумал? Почему-то все мужчины считают, что видят женщин насквозь. А когда те совершают нечто выходящее за рамки их скудных представлений о женском поле – сразу же обижаются или ведут себя агрессивно.

– Для всех моих девушек я выступал в роли Прекрасного принца, то есть, своей общественной версии, в которую я перевоплощаюсь на публике и перед камерой. Поверхностное очарование – и никаких внутренних проблем, никаких комплексов, – юноша невольно увлекся, а женщина затаила дыхание, чтобы не спугнуть его откровенность. И на самом деле не ради газеты, а ради самого процесса «облегчения души». Сейчас ей нужен был кто-то, кто мог ее хоть как-то отвлечь, ибо рана была слишком свежа и ужасно болела. А так она могла думать не о себе, а об этом парне, который, оказывается, не только красив, но и умен. – Я не хотел с ними связываться. Потому что они либо оказывались такими же пустышками, как и я, играющими в разные ролевые игры, либо хотели знать все мои тайны, а я этого не хотел. К тому

же, некоторых из них просто подмывало после первой же ночи прибежать в редакцию какого-нибудь журнальчика, вроде твоего, и «покаяться». За большие деньги, конечно же!

Она сочувственно покивала.

— Ну, думаю, что многие красавицы не отказались бы тебе помочь в решении твоих личных проблем, — немного язвительно заметила женщина, пододвигая к нему тарелочку пирожных. — Стоит только их попросить «спасти» тебя от этого ужасного-ужасного мира!

Гарри отрицательно покачал головой.

— Нет, я бы не смог им довериться. Как они могли решить мои проблемы, если я не хотел об этом рассказывать? А если б захотел... да, многие сделали бы вид, что они меня понимают, попытались бы стать для меня лучшим психиатром на свете, но это тоже была бы игра. Ради моих денег. Ведь ты, как опытная журналистка, скорее всего, видишь всех насквозь. И я видел. Особенно бросалось в глаза, что эти девушки не стоили моих откровений. Да их мало интересовал мой внутренний мир.

— Ты не смог никому довериться?

— Да.

— Жалеешь?

— Что могу умереть одиноким Казановой? Кактебе сказать... больше всего я жалею, что не смог спасти свою мать. Хотя я был тогда слишком маленьким, чтобы хоть как-то повлиять на нее или на отца.

– Сука-судьба, – прошептала она. – Ладно, – Рита решительно встала. – Думаю, теперь нам надо расслабиться.

Она решительно потянула его в спальню.

– Но я... я не пытался давить на жалость... – лепетал парень, широко распахнувшимися глазами глядя, как она раздевается. – Я вовсе не стремился уложить тебя в постель!

– Перестань. Нам обоим нужно забыться. Или мы сойдем с ума от боли, а это глупо. И не бойся, я не буду тебя использовать. Никто не узнает.

– Ты так говоришь, словно секс – какая-то постыдная тайна, – Джонсон потихоньку раздевался.

Пожатие точеных плеч:

– Секс со мной – точно. Я тебя на двенадцать лет старше, мне двадцать восемь, а тебе только шестнадцать, пусть даже и выгляжу хорошо. Хотя сейчас, наверное, хреново.

– Нет, ты... красивая.

– Спасибо. Compliments необязательны. Я и так... настроена на интим.

Обнаженная, она подошла к дрожащему худощавому парню с уже сформированной, красивой фигурой.

«Эта его бывшая девушка – просто идиотка! Упустить ТАКОЕ! Да на ее месте я бы его из кровати не выпускала! И уж точно научилась бы его слушать. Неужели это так сложно?»

– Ну, я не знаю, что тебе нравится. Как ты хочешь? – засуетился парень, пытаясь выглядеть гением от Камасутры.

– Ничего особенного: просто засунь его в меня! Я сейчас

не настроена на длительные ласки. Я просто хочу, чтобы меня жестко отымали – и это все.

– Тебе не будет больно? У меня большой.

– Как-нибудь переживу. Не волнуйся, все хорошо. Ты очень красивый.

– Правда?

– Правда.

Быстрые, резкие движения. Они хотят только одного: забыть в водовороте низменных страстей. Чтобы не помнить даже свое имя. И забыть о собственном страхе перед жизнью. Сначала он был сверху, выплескивая все свои негативные эмоции, тайные страхи, боль, вбиваясь в нее.

А потом, когда, обессилив, Гарри свалился с нее, весь в поту, она долго гладила его по лицу, обнимала, целовала, ласкала, пока его член снова не встал.

У Риты появилось странное ощущение, мистическая иллюзия, что ей снова шестнадцать, и она – со своим первым парнем. И все хорошо. И куда-то пропал тот первый мужчина, изнасиловавший ее тело и душу. И она словно впервые смотрит в глаза мужчины в момент страсти.

Насаживаясь на его член, она ощущала нежность и покой, да и страсть тоже. Вот черноволосый мальчишка с такими яркими изумрудными глазами запрокинул голову, словно пытаясь увидеть звезды на небе. Ему хорошо. Ей тоже.

Она ощущает проникновение, достающее, казалось, до самого сердца. И знает, что в этой нереальной полутьме, в игре

вечернего света с тенями, она прекрасна. Возможно, именно так чувствуют себя женщины, когда хотят зачаровать так, чтобы ее запомнили навсегда?

– Извини, – он краснеет, но не отводит взгляда в сторону, за что она ему искренне благодарна – не слишком приятно, когда тебя стыдятся после ночи любви.

– Почему ты извиняешься? – спросила Рита, передавая ему рубашку.

– Я не должен был... использовать тебя.

– Перестань, – хрупкая женщина качает головой, – ты мне ничего не должен.

* * *

Новая вечеринка в особняке де Ноблэ стала для нее очередной рабочей неприятностью. Рита еще не отошла от смерти своего любимого. К тому же, секс с молодым красавчиком привел к очередному всплеску вины: она ведь занималась грязным сексом в день похорон Антуана! Она даже боялась представить, как бы ее назвала общественность (на которую ей, впрочем, всегда было плевать), узнай она об этом гнусном эпизоде ее биографии.

Рита ощущала некоторое оцепенение, сковавшее душу и тело, когда она стояла в огромной зале, где собрался весь цвет английского общества. Сэры, лорды, просто миллионеры и миллиардеры. В общем-то общество показалось ей

невыносимо скучным, да и каждое слово этих людей можно было заранее предугадать, словно они играли давно выученные роли в пьесе, которая шла много сезонов подряд.

Женщины в откровенных вечерних платьях, обвешанные драгоценностями, мужчины во фраках. Прием с налетом чернобелых голливудских фильмов.

Риту старались не замечать, хотя некоторые здоровались и кивали. Однако, она не переживала из-за недостатка внимания – наблюдая из своего угла за ними и постепенно подала закуски, расставленные на многочисленных столах. В одной руке она держала бокал шампанского – отчаянно хотелось напиться, но она не могла себе этого позволить. Так как боялась, что не сдержится, и вывернет наизнанку свою несчастную душу перед непрошенными, неприятными свидетелями.

А потом подробности ее срыва появятся в газетах конкурентов – спасибо, если без фотографий!

Как фотографии пьяных в стельку звезд, демонстрирующих всем подряд свое нижнее белье, или его полное отсутствие.

Красивая, высокая женщина до боли сжимала бокал за немевшими от усилий пальцами, рассеянным, расфокусированным взглядом уставившись на очередное сборище, собранное де Ноблэ.

Сам Леопольд, как обычно, встретил ее перед началом вечеринки, вежливо поздоровался, и даже не попытался за-

лезть под юбку – впрочем, она подозревала, что ее взгляд и выражение лица отпугнут кого угодно. Да и информация о ее связи с покойным директором закрытой школы уже появилась в различных изданиях – эти мерзкие подробности усугубляли ее боль от утраты, но она понимала, что, однажды назвав себя лисой, следует ожидать постоянного нападения других хищников, особенно получив кровавую рану: на запах крови сбегаются не только хищники, но и гиены.

Неожиданно ее взгляд привлек невероятно красивый мужчина: высокий брюнет с тщательно уложенными волосами, в черном фраке, с дорогими платиновыми часами на руке, сверкающими крупными бриллиантами. Но его большие синие глаза сверкали ярче бриллиантов.

Женщина нахмурилась, прокрутив в уме «рейтинг» аристократов, богачей и Звезд. Определенно, она его не знала.

Когда их взгляды встретились, Рита побледнела и шарахнулась, вылив немного шампанского на темно-синее атласное платье, облегающее идеальную фигуру. Ее глаза расширились, а из губ вылетел полузадушенный вскрик. Впрочем, с ней никто не стоял рядом – она привыкла наблюдать за «жертвами» издалека, поэтому никто ничего не услышал.

Незнакомец сначала недоуменно нахмурился, заметив столь явный ужас на ее лице, затем злобная улыбка медленно искривила чувственные губы.

Он тоже вспомнил.

«Какая ты узенькая... тебе нравится?»

«У тебя замечательные сиськи! Как бы мне хотелось их увидеть, когда ты вырастешь».

Ее персональный кошмар с четырнадцати лет. Ее насильник.

Поставив бокал на первый попавшийся столик, Рита кинулась к выходу, стараясь хотя бы не бежать, ощущая, как стучит сердце, словно пытаюсь выпрыгнуть из груди. На миг ей почудилось, что она снова там, в своем детстве, мокрая от спермы насильника, пытается убежать, чтобы не оказаться убитой.

Уже оказавшись дома, она услышала звонок мобильного. Схватила его, пытаясь одной рукой стащить платье с мокрым пятном от пота, прилипшее к телу, пока она мчалась домой, по дороге едва не врезавшись в несколько машин, а потом — и в собственные ворота.

Раньше Рита радовалась, что ее небольшой особняк находится на природе, далеко за пределами Лондона. И первые соседи — на большом расстоянии. Впереди — поле, которое заканчивается полоской густого леса.

Теперь же возникает ощущение, что этот простор давит на нее, замыкает в себе, как крысу в крысоловке. Словно вот-вот в ее дом ворвутся маньяки-насильники-убийцы. Хотя и охранные системы были самыми современными, высокий забор и ворота, с проволокой, по которой шел ток. К тому же, дома было несколько пистолетов, с которыми она отлично управлялась. Иногда стреляла по неживым предметам или

ходила в тир.

– Да? – нервно проговорила она в трубку, ощутив прилив панического ужаса.

– Дорогая, это я, Леопольд, – вкрадчиво произнес знакомый мужской голос. – Ты так быстро умчалась... Что-то случилось? Тебе стало плохо? Надеюсь, ты хоть не беременна?

– Да нет, просто... Так получилось. Я вылила на себя шампанское, и не хотела в таком виде шокировать ваших высококультурных гостей, – язвительно и зло заявила она, наконец-то сдирая с себя платье и с отвращением выбрасывая его в корзину для грязного белья.

– Может, тебе все-таки нужна помощь? – произнес мужчина, как ей показалось, с нотками искреннего участия.

– Нет, благодарю, как-нибудь справлюсь, – она глянула в зеркало, где отражалось ее изможденное, перепуганное лицо, словно у маленькой девочки из какого-нибудь фильма ужасов. Она попыталась взять себя в руки, напомнив, что ее карьера, которая все-таки была еще ей дорога (собственно, это все, что у нее осталось), напрямую зависит от этого манерного псевдо-джентльмена. Даже больше, чем от ненавистного начальника.

– Ну, и хорошо. Завтра я снова хочу тебя видеть. Приватно, так сказать. Ты меня понимаешь... Еще будет один наш друг, он тебе понравится, красивый мужчина. К тому же, очень богатый! И я недавно узнал, хотя это пока закрытая информация, он перекупил ваш журнал у бывшего владель-

ца, и с первого числа вступит в должность, так сказать. Ты мне когда-то говорила, что ненавидишь своего начальника. В общем, познакомишься с новым начальником в приватной обстановке, и, скорее всего, тебя повысят. И над тобой не будет никаких других начальников, кроме него.

– Как его зовут? – Рита ощутила невероятную усталость. Еще раз жалко взглянув в глаза своему измученному отражению, она показалась себе истасканной проституткой.

– Джон Вейд, он коренной англичанин, но учился в Германии, где и жил вплоть до недавнего времени. Сколотив капитал, вернулся на родину, – тоном учителя, втолковывающего материал глупцам, произнес Леопольд.

– Понятно, – вздохнула она и задумалась.

Повисла напряженная пауза.

– Ты, конечно, извини, но зачем вам я? Что, на свете перевелись молоденькие и красивые шлюшки? – ядовито произнесла женщина.

– Ты прекрасна, моя дорогая, – пропел мужчина. – К тому же, не каждой шлюхе можно доверять – а скандалы нам ни к чему. Все мы уважаемые люди.

– Вас бы не уважали, если б знали ваши мерзкие секреты! – не выдержала Рита.

– Быть может, – холодно ответил он. – Хотя у каждого есть свои секреты. Только одни их скрывают лучше, чем другие. К тому же секреты серой массы никому не интересны... Так ты придешь завтра?

– Во сколько? – она снова потеряла виски и поежилась – в комнате было прохладно, а она осталась в одном нижнем белье. Рита машинально начала рассматривать свою внешность: несмотря на несчастный вид, фигура у нее была по-прежнему великолепна: стройная, подтянутая, с очень тонкой талией и грудью третьего размера, которая выглядела просто превосходно: словно белоснежное лакомство, увенчанное «клубничками» сосков. Она начала поглаживать себя по талии, крутясь перед зеркалом. Становясь то в анфас, то в профиль.

– В девять вечера, – уже ласковей добавил он снисходительным тоном доброго дядюшки. – Приезжай, мы с женой и Джоном будем тебя с нетерпением ждать!

– Хорошо, – выдавила Рита, и тот час же швырнула телефон на пол, отчего он разлетелся на мелкие части.

* * *

Одеваясь к интимному вечеру, она поймала себя на том, что ужасно нервничает. Хотя выглядела она безупречно, как при свете дня, так и при интимном освещении ночных игр сладострастия. Она выглядела младше своих двадцати восьми лет, несмотря на бурную жизнь.

Безупречная кожа, огромные глаза, тонкие, правильные черты лица, идеальная фигура, хрупкая, с женственной грудью. Медово-рыжие волосы спадают мягкими волнами, под-

черкивая беломраморное совершенство.

Нет, дело было не в том, что она чувствовала себя недостаточно красивой.

Сама мысль о том, что сегодня вечером к ним присоединится еще один мужчина, доводила до рвотных спазмов. Так как интимные игры между ними троими давно стали для нее просто сексом. Да, это была ее плата за возможность иметь эксклюзивные права на репортажи с модных вечеринок семейства де Ноблэ. Но она с самого начала воспринимала Леопольда, как безумно сексуального мужчину, да и против его жены Элеоноры она ничего не имела. Та была столь податлива и прекрасна, что казалась безусловным и нужным дополнением их секса. Порочная, но удивительно нежная и чувственная женщина.

Но вот этот Джон Вэйд... Сама мысль, что она опять вынуждена продаваться только за то, чтобы иметь возможность работать, делать свое дело, и работать хорошо, без халтуры, доводила ее до бешенства.

Пришла даже мысль, что с этим необходимо кончать, пока это пагубное болото ее не засосало. К тому же, секс с де Ноблэ уже стал не столько платой, сколько удовольствием (и ей не хотелось врать, что эти гнусные оргии не были ей приятны. Даже лишение девственности красавчика Виктора было порочно-искушающим).

Предлагая ей переспать с Джоном, Леопольд ткнул ее носом в то, что она на самом деле является шлюхой.

И ей было больно. Очень больно.

В одночасье исчезло все очарование порочных, но все-таки игр.

Рита с трудом удержалась от слез, чтобы не испортить наложенный макияж: почти незаметный, но очень подчеркивающий большие бездонные глаза.

Тонкое, почти незаметное, словно нити паутины, нижнее белье. Поверх – короткое платьице из струящегося шелка. Волосы скреплены в высокую прическу, но ее легко разрушить: лишь выдернуть несколько шпилек и расстегнуть заколку.

Надушившись своим любимым Кензо, она спустилась вниз, села в не менее любимый джип, вездеходность которого буквально спасала, когда дорогу к дому заливали ливни, женщина резко вырулила на асфальтовую дорожку.

Ей приходилось совершать над собой невероятные усилия, чтобы не вернуться назад.

Она с удивлением подумала, как это раньше покорно подчинялась Леопольду.

«Я меняюсь. Смерть Антуана, единственного, кто любил меня такой, какая я есть, подкосила меня. Я уже больше никогда не смогу быть прежней. Боюсь, с имиджем «крутой сучки» придется расстаться. Впрочем, эта маска и раньше очень плохо прилегалась к моему лицу», – эта мысль невольно успокоила ее, хоть и не до конца.

«Сегодня будет последний раз. Мне нужно все-таки по-

пытаться удержаться на своей работе, для этого я пересплю с будущим хозяином нашего журнала. А потом – завяжу со всем этим. Как – еще не знаю, но завяжу».

Рита усмехнулась, крепче сжимая руль и нажимая ногой на педаль газа. В уютной и теплой машине играла приятная мелодия – она всегда включила свое любимое радио.

«Я думаю о сексе, словно о наркотике, с которым борюсь и пытаюсь бросить», – она криво усмехнулась.

Дорога закончилась быстрее, чем ей бы хотелось.

Женщина медленно въехала на территорию частных владений и отстраненно засмотрелась на огромный особняк, который казался ей белой глыбой мрамора в наступившей тьме.

Ранняя весна придавала ощущение свежести, приятной прохлады, когда женщина выходила из машины, продолжая глядеть на сияющие янтарным светом окна. Насколько она помнила, этот дом всегда был полон огня. Приемы, вечера, деловые беседы, просто гости, или слуги, работающие допоздна, наследник, явно включающий громкий рок и яркую иллюминацию на полночи. Вспомнив Виктора, она невольно улыбнулась. Несмотря на то, как он жестко ее отымел, она все равно воспринимала его, как мальчишку. Возможно из-за разницы в возрасте.

Рита с удивлением поняла, что не испытывает к нему негативных чувств, даже несмотря на его избалованность и грубую наглость.

Почти успокоившись, она подошла к черному входу, который любила больше, чем главный. Практически незаметная серая дверь на кодовом замке. Код она, конечно же, знала.

Подняться вверх по узкой винтовой лестнице, пройти в хозяйскую спальню, где ее уже должны были ждать.

Рита, едва лишь оказалась в огромной спальне, неожиданно ощутила шок – и резкий приступ страха скрутил желудок, перед глазами помутнело, ее шатнуло.

На кровати рядом с Леопольдом сидел тот самый мужчина, который являлся ей в кошмарах долгие годы, насилуя и оскверняя ее так, как это он уже делал однажды наяву, лишив ее не только невинности, но и способности быть нормальной, радоваться и любить.

Она вдруг поняла, что это и есть пресловутый Джон Вейд, о котором ей сообщил де Ноблэ. Нервно поискав глазами Элеонору, она ее не обнаружила.

«Ага, значит делить свою красавицу-женушку с этим ублюдком он явно не собирается! Зато они оба решительно настроены на то, чтобы трахнуть меня».

Рита застыла, ошеломленная волной ужаса, неожиданно накатившего на нее. Она стояла, словно парализованная.

Джон встал, улыбнулся, держа ее на прицеле горящего взгляда, подошел, держа в руках бокал с какой-то выпивкой.

– Дорогая, я рад наконец-то оказаться с тобой в спальне. Держи, надо отметить наше сотрудничество! Ведь теперь владелец вашего жалкого журнальчика – я. И ты будешь мне

подчиняться. Насколько я помню, покоряться ты умеешь.

Кривая, жестокая улыбка исказила красивое лицо.

Еще более шокированная, она машинально взяла бокал и начала пить, залпом глотая жгучий алкоголь. Ей хотелось придти в себя, чтобы убедиться, что это не очередной кошмар, а всего лишь разворачивается сценарий очередной сексуальной встречи с аристократом... И ее новым шефом.

– Молодец, хорошая девочка! – похвалил ее Джон. – Мне нравится твоя покорность. Думаю, я даже тебя повышу. Собственно, мне этот журналчик не так уж особенно и нужен. Меня заинтересовала ты, – он отобрал у нее пустой бокал и медленно провел пальцем по шее, по вене. – Такая яркая, наглая, самоуверенная. Я был уверен, что сломал тебя навсегда. Люблю срывать яркие цветы и втаптывать их в грязь. В этом есть своеобразное блаженство. Но вообще-то я пришел сюда не разлогольствовать, а отдохнуть с искусной шлюхой.

Мужчина подошел к столику, взял распечатанную бутылку вина и налил ей еще, а затем лично поднес, наблюдая, как она пьет.

– Спасибо, Леопольд, за эту красивую игрушку. Быть может, я на самом деле подпишу с вами взаимовыгодный контракт. Ценю тех, кто умеет доставить мне удовольствие.

Он не спускал глаз с женщины, буквально пожирая ее взглядом.

– Раздевайся! – приказ прозвучал, как удар хлыста по голой коже. – Хотя нет, – он схватил двумя руками края ее

платья, сильно дернул, обнажая белоснежную кожу, разрывая платье на части. – Вот так мне нравится больше.

– Потому что ты – ничтожество, которое любит разрушать? А, может, тебя самого когда-то изнасиловали? Это был мужчина? Или даже твой отец? – маска стервы с остреньким язычком, огромный опыт в качестве скандальной журналистки, – все это не дало ей молча сносить издевательства.

– О, нет, дорогая, – широкая ухмылка на красивом лице. – Я это делаю только потому, что МОГУ. И мне нравится насиловать. Считай это моим маленьким недостатком в идеальной внешности. Как говорится, и бриллианты бывают с изъянами. У меня всегда была прекрасная жизнь... быть может, слишком великолепная... – с этими словами он притянул ее к себе, швырнул на кровать, порвал остатки платья и презрительно отшвырнул лоскутки в разные стороны.

«А я-то думала, что ткань крепкая! Наверное, подсунули подделку», – мелькнула в голове женщины неуместная мысль.

Она отвернулась, не желая смотреть ему в лицо, видеть жадный и торжествующий взгляд, пока он терзал ее тело: до боли сжимал чувствительную грудь, прикусывал кожу чуть ли не до крови, оставлял засосы на нежной шее, заставляя ее невольно дрожать и всхлипывать.

Картина прошлого снова встала перед ней во всей своей яркости: четырнадцатилетняя девочка, все еще невинная, лежит в руках сильного парня, который разрывает своим

членом нежное влагалище, чувствуя стыд и боль, и думая лишь о том, останется ли она в живых.

Оказывается, одна ее часть умерла тогда.

И поэтому Рита лежала под ним, словно загипнотизированный удавом кролик, повернув голову в сторону и бессмысленно уставившись в окно, мечтая стать маленькой птичкой и улететь куда-то далеко.

А насильник снова грубо овладевает ею, так, что ей больно почти также, как и в тот, самый первый, раз.

Но душе намного больнее. Ее словно разрывают на куски. Джон насилует не только ее тело, но и душу, разрушая остатки крепкого панциря, благодаря которому она всю жизнь пыталась защититься от мира, вторжения в собственную целостность.

Он убивал ее, наслаждаясь каждым мгновением.

Когда он кончил, буквально впечатав ее в кровать, она ощутила, что прокусила губу до крови: одновременно со струйкой крови из глаз потекли слезы.

Встав с нее, мужчина даже не взглянул на уничтоженную жертву, лишь презрительно ухмыльнувшись, ушел, закрыв за собой дверь. Словно его и не было.

Рита жалела, что у нее недостаточно воображения, чтобы представить, будто она просто-напросто побывала в одном из своих кошмаров, а не испытала весь этот ужас наяву.

– Рита, что с тобой? – она услышала страх и сожаление в голосе Леопольда. – Прости, я не знал, что он сделает с тобой

такое... Иначе я бы никогда...

– Не беспокойся! – почти закричала она, с трудом вставая, морщась от боли. – Я не буду никому жаловаться. Не мне ли, как журналистке, знать, во что может вылиться скандал?! Он разрушит и мою, и вашу репутацию. Конечно, мне не привыкать к всеобщей ненависти, но, в этом есть нечто личное. То, чего бы я не хотела касаться. Иногда призраки прошлого все-таки возвращаются – и пытаются тебя убить. Но это уже признак того, что они слабее тебя. Иначе занимались бы своими, более приятными делами, чем пытались сломать тех, кого они и так считают ничтожеством, слабее себя. У тебя есть снотворное? – женщина вытерла тыльной стороной ладони кровь и уставилась на смущенного мужчину.

В серых глазах шагнувшего ей навстречу аристократа явно проявился испуг. Он резким жестом снял с себя халат.

«Неужели и он собирается?! Впрочем, пускай, какая мне уже разница. Ощутить себя павшей еще ниже просто невозможно», – мысли мелькали в голове со скоростью летящего самолета.

Но аристократ лишь накинул ей на плечи собственный халат и обнял, прижимая к себе, словно пытаясь утешить.

Этот простой жест ошеломил ее, заставил разрыдаться, изо всех сил цепляясь в единственную устойчивую опору, что оказалось рядом – в сильное мужское тело.

Подняв ее на руки, когда она от него более-менее отце-

пилась, Леопольд понес журналистку в ванную, где оставил одну, но тщательно следил через полупрозрачную занавеску, чтобы она не порезала себе вены, чем, судя по выражению ее лица, она была вовсе не прочь заняться.

Затем, накинув на нее большое полотенце, в которое укутал, как в простыню, он понес ее в спальню, но в другую, в свою личную.

Там его уже ожидала Элеонора. Глаза жены расширились, когда она увидела, как муж несет Риту: их семейное ложе всегда было неоскверненным, священным. Но, увидев, как дрожит стройная красавица, какие безумные у нее глаза, Элеонора смягчилась.

– Что-то случилось? Вечер прошел не так, как ты планировал? Этот Джон Войн причинил ей боль?

Вдвоем супруги напоили ее успокоительным. Вызвав по телефону служанку, Леопольд потребовал немедленно вышвырнуть Джона Война из своего поместья, а если тот будет недоволен – подключить к этой операции самых сильных охранников.

– Расскажи мне, если хочешь, – тихо произнес белокурый мужчина, заглядывая в по-прежнему обезумевшие глаза женщины. Она уже не дрожала, только иногда вздрагивала, ее время от времени словно било в конвульсиях. – Почему ты не сказала, что не хочешь с ним спать? Я бы выгнал его немедленно, я бы не позволил!

Рита округлила глаза, испытыв искренне и глубокое изум-

ление.

– Что?! Ради меня?! Ведь он же ваш партнер в каких-то сделках?!

Мужчина бросил на нее долгий взгляд.

– Рита, ты почти член нашей семьи. Мы уже четыре года делим друг с другом постель. Неужели ты думаешь, что я позволил бы ему надругаться над тобой? Тебе стоило сказать слово – и я бы вызвал каких-то проституток... Или вообще просто выгнал бы его еще раньше! Я просто подумал, что ты сама захочешь воспользоваться случаем, ради своей карьеры...

Задышавшись, Рита рассказала им все. Она просто больше не могла держать ужас прошедших лет в себе.

– О, Боже! – прошептала Элеонора, в ужасе прижав ладошку к губам. – Рита, бедная ты моя! – и женщина заключила ее в объятия.

Леопольд побледнел, даже губы его посерели.

– И я принимал этого насильника в своем доме!

– Неужели наши оргии так сильно отличались оттого, что он сделал со мной? – почти заорала Рита, отталкивая красавицу. – Вы тоже использовали меня... Правда, я в ответ использовала вас ради карьеры. Мы квиты, не так ли?

– Но мы привязались к тебе, Рита, это правда, – серьезно ответил мужчина. – Мы никогда не хотели причинить тебе боль. Да, то, чем мы занимались, многие назвали бы извращениями... Особенно те, кто в глубине души мечтает о еще

более грязных вещах. Но причинять страдания – это не для нас.

– Я знаю, – устало прошептала Рита, ощущая, как дрожь постепенно утихает, как начинает действовать успокоительное. – Я сама не знаю, зачем отдалась ему снова. Наверное, хотела побороться со своими страхами вживую. И мне это почти удалось, – она жалко улыбнулась. – Я осознала, что он обычный мужчина с комплексами, отвратный любовник, несмотря на свою презентабельную внешность, и просто ничтожество. Наверное, я все-таки победила... если не сойду с ума от всего этого.

Журналистка почти потеряла способность удивляться – от этого отучала сама жизнь, сделав ее циничной и черствой. Но в эту ночь де Ноблэ изрядно удивили Риту. Они положили ее между собой, долго гладили по голове, шептали что-то успокоительное, пока она не заснула.

Несмотря на произошедшее, она действительно смогла ощутить защищенность. И заснула, чувствуя теплые тела, лежащие по обе стороны, словно двух защитников своего сна.

Глава 7

Я хочу тебя любой ценой

Утром Рита попрощалась с Леопольдом и Элеонорой, и отправилась обратно к себе домой. Ей хотелось все обдумать, так как последние события выбили Риту из колеи. Так много жуткого и странного в ее жизни.

Сначала умер ее любимый, затем на приеме она встретила кошмар всей своей жизни, Джона Вэйда. Брюнета с удивительно яркими синими глазами и потрясающе красивой внешностью.

Расскажи она кому-либо, что он ее изнасиловал, ей просто не поверят. Во-первых, потому что она – скандальная журналистка с устоявшейся репутацией стервозной гадины, которая ради выгодного скандала пойдет на все.

Во-вторых, он, судя по всему, миллионер, и к тому же – очень красивый, импозантный мужчина.

На первый взгляд ничего в нем не выдавало маньяка. Вздохнув, Рита Свои нажала педаль газа, поворачивая джип к воротам своих владений. Открыв пультом ворота, она въехала на территорию своего земельного участка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.